

АЛЕКС ОРЛОВ

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ПОДЗЕМНАЯ ВОЙНА

Сокровища наместника

Алекс Орлов

Подземная война

«Автор»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Орлов А.

Подземная война / А. Орлов — «Автор», 2015 — (Сокровища
наместника)

Ну не сидится бывшим ворам, а ныне почтенным лавочникам из портового города Пронсвилля, Мартину и Рони на одном месте! Все тянет их в дальние края, где можно пожить золотишком и нажить на свою голову приключений. И вот, прихватив неудачливого шорника Ламтака и орка Бурраша, они снова отправились в дальний путь. Выбрали они не самую спокойную дорогу, где пошаливали разбойники, беспощадно убивающие тех, кто отказывался платить им дань. Да вот только четверка отважных путешественников плевала как на разбойников, так и на тайных соглядатаев, пытающихся понять, зачем они покинули родные края. Одного не подозревали друзья, что придется ввязаться им в беспощадную подземную войну... Завершающая книга цикла «Сокровища наместника».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Орлов А., 2015
© Автор, 2015

Содержание

1	6
2	8
3	11
4	13
5	16
6	19
7	22
8	24
9	26
10	29
11	31
12	33
13	37
14	38
15	40
16	42
17	44
18	47
19	49
20	51
21	54
22	57
23	59
24	63
25	65
26	68
27	70
28	73
29	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Алекс Орлов

Подземная война

© Орлов А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

1

Налетающий с моря ветер раскручивал парусное колесо, деревянный вал которого скользил по медным муфтам и через кожаный ремень вращал каменный диск, игравший роль маховика.

В небольшом цеху было установлено четыре самоходных иглы, так что силы им требовалось немало: Ламтак брал заказы на ремни и глейки из воловьей кожи – самой крепкой. Не отказывался и от невыделанной, жесткой, как буковый чурбак.

Обувщиков и шорников в городе было с избытком, а летом подтягивались работники из деревень, но шить из сырой кожи никто не брался – работы много, а оплата грошовая.

Ламтаку в то время деваться было некуда, сидеть на шее у Мартина с Рони он не мог. Стал брать в работу самое тяжелое шитье, а также подряды на тяжелое кожемяцкое дело – сила на это у него в руках имела. Однако город Пронсвилль был дорог для проживания, и грошовые заработки нужду Ламтака ничуть не покрывали. Тогда он и решил смастерить машину, о которой давно задумывался, чтобы работала, как мельница, но только не для помола, а для шорницкого промысла.

И у него получилось, он знал, как выглядит такая машина, поскольку подсмотрел ее у гномов в городе Пяди. Понятно, что пядские гномы никому машину не показывали, но Ламтак нашел способ проникнуть в цех, и одного взгляда ему было достаточно, чтобы во всем разобраться.

Другое дело, что пядские гномы работали на лошадином приводе – у них в мастерской по кругу ходили два мула. Ламтаку же с мулами возиться не хотелось, и он понадеялся на ветер – и, как оказалось, не прогадал.

Теперь он не боялся никакой тяжелой работы и стал брать больше товара на кожемяцкую переработку, а также недорогое шитье из сыромятной кожи. Пошли первые деньги, распространилась молва, и скоро Ламтака пришли бить завистливые конкуренты.

Первый раз он с успехом оборонялся сам, а в другой раз позвал Бурраша, который работал в порту в артели грузчиков. Орк так поколотил половину шорников города, что в третий раз бить Ламтака они так и не собрались.

Наблюдая за воздушным колесом и слушая ход деревянной оси по смазанному рыбьим жиром муфтам, Ламтак услышал, как его позвал работник Пурташка – беспризорный портовый воришка, которого порекомендовал Бурраш.

Поначалу гном опасался, что Пурташка станет воровать, но тот признался, что не может сделать этого, поскольку господин Бурраш дал ему последний шанс, и если он не устоит – господин Бурраш его утопит.

– Хозяин, там к вам пришли! – крикнул Пурташка, высываясь из люка.

– Сейчас спущусь, – ответил Ламтак, бросая на вертящийся вал короткий взгляд.

– Там вроде как ваши земляки или даже родственники... – добавил Пурташка, когда гном спустился из мельничной башни.

– А вот это не твое дело, беги обратно.

Пурташка убежал в цех, а Ламтак вышел на воздух, где его дожидался гость.

Уж лучше бы никто не дожидался, потому что это был не просто гном, а господин Дунлап, видеть которого Ламтаку совсем не хотелось. Однако он не подал виду и, широко улыбнувшись, шагнул навстречу гостю и первым подал руку, чтобы обменяться рукопожатиями.

– Здравствуйте, господин Дунлап, очень рад вас видеть!..

– И я очень рад, что наконец нашел тебя, славный Ламтак, – ответил Дунлап, скрывая злую ухмылку. Он прекрасно понимал, что Ламтак ему вовсе не рад.

– Проходите в мою конторку, господин Дунлап. Угощу вас шербетом.

– О, ты помнишь, что я люблю шербет, – улыбнулся Дунлап, потом поднял голову и посмотрел на парусное колесо.

– Недурно, недурно придумано, – произнес он и прошел в конторку.

Ламтак зашел следом и, прикрыв дверь, направился к шкафу, в котором хранил шербет и засахаренные фрукты. Сложив угощение на серебряное блюдо, он поставил его на стол перед гостем и, приняв у него бархатную шапочку, положил ее на комод.

– Странно, что ты не подаешь мне горячую воду, как принято у паркинов. Полагаю, за столько времени ты перенял многие их обычаи, – издалека начал Дунлап, пробуя шербет и прислушиваясь к тарахтению иголок.

– Я подаю ее только паркинам, господин Дунлап.

– Вижу, ты преуспеваешь, Ламтак.

– Не будут отрицать, господин Дунлап.

– Сколько у тебя работников?

– Четверо.

– Это хорошо, – кивнул гость, переходя от шербета к засахаренным фруктам. – Я также слышал, что у тебя среди паркинов есть друзья.

– Это верно, господин Дунлап, – ответил Ламтак, стараясь выглядеть невозмутимо, хотя эта беседа была похожа на допрос.

– И даже орки, я слышал, у тебя в чести?

– Мы вместе воевали, господин Дунлап.

– Да, я помню, как ты сбежал от господина Таигли, чтобы стать солдатом.

– Я не сбежал, господин Дунлап. Господин Таигли погиб, и больше некому было учить меня.

– Господин Таигли погиб, но жив его сын.

– Когда я ушел из Дома Ювелиров, новый господин Таигли был еще младенцем, – напомнил Ламтак, оглаживая бороду, чтобы скрыть волнение.

– У тебя есть еще какие-нибудь сладости, Ламтак? Может быть, мед или конфеты?

– И мед, и конфеты, господин Дунлап, – ответил Ламтак, вставая.

– Давай конфеты, Ламтак. Как по мне, так паркины не так уж и бестолковы, если сумели изобрести такое лакомство.

Пока хозяин раскладывал перед гостем новые угощения, тот прислушивался к доносившемуся из цеха шуму.

– Хорошо твои работники трудятся, иголки все время стучат.

– Я долго учил их, господин Дунлап.

– Паркинов учи не учи, лучше гномов они мастеровыми не станут.

– Да, господин Дунлап.

– Конфеты! – радостно произнес гость, пододвигая к себе очередное угощение.

– Кушайте на здоровье. Если хотите, я дам вам с собой целую корзинку.

– Конечно, Ламтак, конечно, – кивал гость, и сахарная пудра сыпалась на его длинную бороду, значительно более длинную, чем у Ламтака, который, пожив среди людей, стал ее немного укорачивать. Так было удобнее.

– Одного я не понимаю, – сказал гость, делая перерыв. – Почему ты не используешь мулов, как все добропорядочные гномы? Я был в Пяди, так вот тамошние мастера крутят эту штуку двумя мулами. Вот это я понимаю, серьезная работа, а твое колесо с парусами похоже на какое-то баловство, как у мальчишек с воздушными змеями.

– Немного похоже, господин Дунлап, – согласился Ламтак, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно.

2

Ламтак понимал, что господин Дунлап, главный поверенный в делах его бывшего благодетеля – господина Таигли, решил напомнить ему о старых обязательствах и о претензиях, которые Ювелирный Дом мог ему предъявить. Но, как это бывало у гномов, разговор не сразу переходил к делу, и поначалу беседа касалась только отвлеченных тем, пока партнеры приглядывались друг к другу, выбирая подходящий момент для атаки.

– Ты должен был отработать у господина Таигли пятнадцать лет.

– Да, господин Дунлап, это так.

– А ты отработал только три, а потом сбежал.

– Я ушел с пепелища, господин Дунлап.

– Ты производишь из худого рода, Ламтак, – не слушая объяснений, продолжал Дунлап, не забывая есть конфеты одну за другой. – Тебе предстояло работать на рудниках, поднимать уголь или, если повезет, сажать в долине лук и репу. Я прав?

– Вы правы, господин Дунлап.

– И тогда тебе в голову пришла мысль пойти к господину Таигли и попроситься в Ювелирный Дом.

– Да, это так, господин Дунлап.

– Вот эти желтенькие мне нравятся больше, у тебя нет еще таких?

– Я посмотрю, господин Дунлап.

Ламтак поднялся и стал искать в буфете, а гость прервал свою речь, снова прислушиваясь к частому стуку иглока.

По всему выходило, что шили воловью упряжь, и за то время, пока они тут говорили, работники сделали Ламтаку три монеты медью. А может, и все пять.

Ламтак насыпал на блюдо еще желтых конфет, и Дунлап продолжил речь:

– Господин Таигли снизошел до тебя, выроodka из худого рода, и позволил учиться на ювелира, за что ты потом должен был отработать пятнадцать лет.

– Вы уже говорили сегодня об этом, господин Дунлап, – не удержался Ламтак.

– О, да ты стал дерзок, Ламтак! Это следствие твоего общения с паркинами!..

– Господин Дунлап, переходите к делу. Я давно не с Ювелирным Домом, однако понимаю, что остался должен. Я могу шить обувь и упряжь, но мои руки уже плохо помнят, что такое резец, а пальцы не различат граней камня.

– Ну хорошо, видно, среди паркинов так принято – сразу быка за рога.

Дунлап отряхнул с рук сахар и огладил бороду.

– Ладно, не волнуйся, Ламтак, тебе не придется шить сто возов башмаков и седел для покрытия долга перед господином Таигли. Достаточно будет сделать то, что ты делаешь лучше всего.

– И что же, господин Дунлап?

– Драться.

– Но с кем?

– У Дома Ювелиров появилась проблема – Дом Литейщиков.

– Дом Литейщиков? Никогда не слышал о таком доме, – покачал головой Ламтак.

– Он появился лет семь назад, и совсем никакие они не литейщики, они катают медь.

– Но почему называются литейщиками?

– Это уже не так важно, – отмахнулся Дунлап. – За то время, что ты находился на войне и среди паркинов, цеха сильно изменились. Обычаи стали забываться, традиции стираться, и все перепуталось.

Дунлап вздохнул.

– Дом Литейщиков захватил две пустоши и два луга, которые принадлежали Дому Ювелиров.

– Пустоши – это где отвалы ядовитых руд?

– Да, они самые.

– Но на них же ничего не растет.

– Не растет. Но между ними два больших луга, на которых так растет презамечательный клевер, который Дом Ювелиров продавал крестьянам-паркинам за хорошие деньги.

– Но при чем здесь клевер? Почему сеном теперь занимается Ювелирный Дом?

Дунлап развел руками и покачал головой.

– Ты меня слушаешь, Ламтак, или я просто тут сотрясаю воздух? Гномы сейчас не хуже паркинов понимают, что нужно работать по разным ремеслам. Если не идет торговля льном, продавай уголь, если не пошел уголь, сей пшеницу, и так далее. Эти луга были выкуплены еще у пришлых орков во времена Большого дыма. А теперь пришли эти литейщики и сказали – тут были наши земли, и мы восстановим права.

– Но у Ювелирного Дома должна быть охрана.

– И должна, и есть. Но их всего полсотни, и они вооружены дубинками с шипами. А эти выставили наемных разбойников-паркинов. Здоровенных, как орки.

– Но есть же шерифы, какая-то королевская власть.

– Нет там власти. А шерифы боятся соваться, разбойники их и так на дух не переносят.

Мы закликали одного такого шерифа, и знаешь, Ламтак, что он нам сказал?

– Что?

– Он сказал, я в ваши дела влезать не собираюсь. Разбирайтесь сами.

– У нас в пригороде другие шерифы.

– Ай, – махнул рукой Дунлап. – Все они одинаковые, эти паркины. Мы ему сказали: ты же должен поддерживать порядок ради короля, а он нам сказал, что если будет мятеж против короля, тогда он вмешается. Вот и весь шериф.

– Итак, господин Дунлап, куда и когда я должен приехать?

– Приезжать нужно в Фарнель, и чем быстрее, тем лучше.

– Но ведь Ювелирный Дом...

– Да, Ювелирный Дом находится в долине, но вся эта банда кормится в Фарнеле, у их предводителя там главная ставка.

– Фарнель, – произнес Ламтак и задумчиво почесал бороду. – Это на границе с Инглией.

– Да, а что тебя тревожит?

– Ничего, господин Дунлап.

– Так мы можем ожидать от тебя благородного поступка?

– Я должен дому, господин Дунлап.

– Я был против, но господин Таигли настоял, чтобы тебе заплатили. И тебе, и всем, кто придет с тобой. По двадцать серебряных терций.

Было видно, что Дунлап категорически не согласен с такой расточительностью молодого господина.

– И еще, если все пойдет хорошо, вам заплатят по пять терций золотом сверху.

– Что ж, это упрощает дело, господин Дунлап. И, кстати, как вы меня нашли?

– Мир гномов тесен, – усмехнулся Дунлап и потянулся за еще одной конфетой, однако передумал. – У тебя же имеется вклад в банке Толефсона.

– Это небольшой вклад, и не думаю, что Толефсон...

– Нет, он не открыл твоей суммы. Он себе не враг. Но то, что у тебя есть золото, говорит о том, что ты в порядке и не растерял весь разум на этой своей войне.

– У меня совсем небольшая сумма, я вложилась во все это, – сказал Ламтак, указывая на стены мастерской. Он был возмущен, поскольку ни одному гному не нравилось, когда кто-то считал его деньги. Тем более другой гном.

– Он лишь сказал, что ты в городе.

– И все?

– И что ты водишь дружбу с другими бандитами. Поначалу я думал, что вы грабите на дорогах или что-то в этом роде, но он назвал имя рыбодобытчика Овцера, на которого вы работали, и тогда я понял, что ты и твоя банда...

– Мы не банда, господин Дунлап.

– Это не имеет значения. Главное, что ты знаешь, как отвалить этих захватчиков из Дома Литейщиков, в этом все дело.

3

Через пять минут они уже стояли на свежем воздухе перед крыльцом и смотрели с возвышенности на весь город и море позади портовых построек.

– Хорошее место ты выбрал, Ламтак. И от города недалеко, и место такое, что ничего не построишь, – стало быть, земля недорого досталась.

В каждом слове незваного гостя звучала неприкрытая зависть.

– Здесь была помойка, господин Дунлап. Я вот этими руками перетаскивал мусор на телеги и вывозил в овраги.

– Я и говорю – земля досталась даром.

Очередной порыв ветра заставил парусное колесо закрутиться быстрее и шумнее. Дунлап поднял голову, придерживая шапочку, чтобы не спала, и, покачивая головой, повторил:

– Баловство это у тебя, а не мастерская. Нужно мулов ставить. Двух. А лучше трех.

– Я подумаю об этом, господин Дунлап, – сказал Ламтак, протягивая корзинку с конфетами.

– А, конфеты! Чуть не забыл!..

«Как же, забудешь ты», – подумал Ламтак, с нетерпением ожидая, когда этот кровопийца уберется.

– Да, и еще я хотел у тебя спросить. Ведь ты имел какие-то дела с Минейскими братьями, да?

– Я не знаю никаких братьев, господина Дунлап, – ответил Ламтак, подумав, что этот гость лезет совсем уже не в свои дела.

– Ну как же – Тинлуб и Ламтотул.

– Господин Тинлуб погиб.

– А золото? – неожиданно спросил Дунлап, приближая к Ламтаку горящие алчностью глаза.

– Какое золото?

– Которое ты должен был охранять, Ламтак. А получилось так, что хозяин Тинлуб исчез, а золотишко тую-тую.

– Мы не везли золотишко. Мы везли другое, – стараясь не терять самообладания, ответил Ламтак.

– А что другое? Слитки? Бриллианты? Путь от Лиссабона не короткий, могли чего-то и растерять, правда?

Наткнувшись на презрительное выражение в прищуренных глазах Ламтака, Дунлап опомнился и заулыбался.

– Я пошутил, дорогой Ламтак. Ждем тебя к нам для помощи, и давай не затягивай. Долг платежом красен.

Сказав это, Дунлап зашагал прочь, помахивая дареной корзинкой с конфетами. Ламтак смотрел ему вслед, пока тот не свернул за угол угольного сарая, а затем вернулся в мастерскую и, зайдя в конторку, отпер кладовую, в которую давно не заглядывал.

Открыл крашенный ящик и взял с белой соломы свой меч. Вытянул его из ножен и посмотрел на свет. Меч был в порядке. Ламтак убрал его и взялся осматривать кольчуги, ремни, шлем и маленький щит, а также прочую более мелкую оснастку.

Сколько раз Ламтаку казалось, что с военными подвигами уже закончено и теперь он будет заниматься только мирным трудом, однако жизнь складывалась иначе.

Гном вздохнул и сложил свою амуницию обратно. Закрыв ящик, запер кладовую и пошел в цех, где не прекращали звенеть снующие туда-сюда толстые швейные иглы английской выработки. Каждая стоила по двенадцать терций серебром.

Ламтак подошел к Раулю, самому старому и опытному работнику. Раньше Рауль сам был шорником, но разорился и теперь работал на других. Однако у Ламтака он не скучал, работы было много и заработки куда выше, чем у других хозяев.

Постояв немного, наблюдая, как ловко работает Рауль, Ламтак тронул его за локоть.

Рауль прервался и поднял рычагом приводное колесо, чтобы попросту не крутилось. Иголка сразу остановилась, и в ней замерла простежная нить.

– Что случилось, хозяин? – спросил Рауль, сразу замечая перемены в настроении Ламтака.

– Ничего, Рауль. Я пойду в порт к Буррашу, буду часа через два. Что делать, знаешь?

– Да, пока работа имеется, – кивнул Рауль.

– Ну и ладно. Я пойду.

4

Спускаясь по дощатым мосткам к портовым причалам, Ламтак издали заметил Бурраша, который сидел на краю пристани и как будто отдыхал, притом что его ватага всюду трудилась, разгружая тюки со льном из сдвоенного ромейского судна. Работы там было на полтора дня, не меньше, однако Бурраш почему-то ничего не делал.

У следующего причала трудилась другая ватага, а чуть дальше еще две, и всем хватало работы, притом что в прежние времена грузчики представляли собой почти что банды и часто выясняли отношения на ножах.

Лишь с приходом Бурраша в порту появился порядок, а все драки, если у кого была охота, переместились на рыбный рынок или в город.

Конечно, поначалу местные заводилы приняли орка безрадостно и несколько раз пытались убить. Но после каждой стычки количество врагов сокращалось, а последние предпочли сбежать, если не могли привыкнуть к новым порядкам.

Городская стража такие перемены приветствовала, хотя и лишилась части воровского пирога – грузчики постоянно что-то крали и делились со стражниками за право вывезти товар в город.

Но беспокойства портовые беспорядки доставляли много, поэтому об упущенной выгоде городская стража не слишком жалела. Мало того, начальник стражи даже предложил Буррашу носить медную бляху, правда без выплаты жалованья, но тот отказался, сказав, что будет поддерживать порядок для собственного благополучия. На том и сговорились.

– Ты чего это делаешь? – спросил Ламтак, подходя к сидящему на рыбном ящике Буррашу.

– О, мой брат-шорник! – обрадовался Бурраш и пожал гному руку. – Я тут деньги добываю.

– Со дна моря? – уточнил Ламтак, проследившая просмоленную веревку, которая уходила в воду.

– Почти что так, – ответил Бурраш и, потянув за веревку, вытащил на воздух захлебывающегося человека, к ногам которого был привязан камень.

– Ну что, Сизый, вспомнил, куда казну ватажную спрятал? – спросил Бурраш, бросая связанного на доски.

Тот поначалу ничего не мог сказать, только перхал, и из него лилась морская вода.

– Напраслину... Ик!.. Возводишь, старшой!.. Я ничего... Ик! Не брал! Хмарик на меня только наговаривает!..

– Ну тогда иди, еще подумай, – сказал Бурраш и спихнул провинившегося с причала. Он ушел под воду, и веревка натянулась.

– Почти что на дне сидит, – заметил Ламтак.

– Да, небось с морлингами познакомится.

– Их сейчас нет – не сезон.

– А вот и жаль. Иначе его ничем не проймешь, он крепкий, как проволока. И работник хороший, а только вор. И упорствует потому, что знает, что я его убивать не стану.

Ламтак кивнул. Он знал, что Бурраш никому не отказывал и принимал в ватагу даже людей, ушедших из разбойничьих банд. Многие из них приходились ко двору и работали, позабыв о прежнем ремесле, но иногда их заносило, как этого Сизого.

– Ты вот что, братец. Ты доставай его. Пусть он крепкий, но мы его сейчас комедией пройдем.

– Какой комедией?

– Вытаскивай, а дальше мне только подыгрывать будешь.

Бурраш снова выволок Сизого на причал и подождал, пока тот отхаркается. Когда же вор пришел в себя, то, помимо Бурраша, заметил квадратного гнома, который внимательно его рассматривал и даже ощупал руки и плечи.

– Даже не знаю, – задумчиво произнес гном. – Сколько ты за него хочешь?

– Он спер ватажную казну. В ней было пять терций серебром и немного меди.

– Я дам три терции серебром.

– Но я хотел бы получить все, – возразил Бурраш. – Он тебе вообще на что?

Гном ответил не сразу. Он нагнулся и потыкал пальцем Сизому в брюхо. Тот ойкнул и посмотрел на Бурраша. Сизый не понимал, о чем идет торг.

– У меня в Либиге большой свинарник недалеко от прудов, а там морлинги завелись, представляешь?

– Морлинги – это худо, – покачал головой Бурраш.

– Не то слово. Война у меня с ними уже полгода. Тащат поросят, подсвинков, кабанов племенных.

– А ты чего?

– А я им купорос по трубе наливаю, чтобы до самого дна разлился. Видел бы ты, как они из воды выскакивают и орут, как ошпаренные.

– И что потом?

– Неделю тихо, а потом опять свиней тащат.

– А этот тебе зачем, в сторожа, что ли?

– Да какой из него сторож, ты же его сам топишь, чтобы деньги вернул. Нет, я с морлингами договориться смог. Сказали – спусти нам человечка, и мы уйдем.

– Думаешь, уйдут?

– Не знаю, – покачал головой гном. – Особо я им, конечно, не доверяю, но попробовать стоит.

– Попробовать стоит, – поддержал Бурраш. – Ворованные свинки, небось, дороже обходятся, чем пять терций серебром.

– Мы сошлись на трех.

– Да не сошлись мы, ты сказал три, а мне нужно больше.

– А с чего мне платить больше-то? – стал возражать гном. Торговаться у него получалось очень натурально.

– А с того, что он смотри сколько под водой держаться может. Небось, твоим морлингам посвежее больше понравится.

Ламтак всем своим видом показал, что задумался.

– Хорошо, соглашайся на четыре, и я иду за телегой, – сказал он.

– Четыре терции серебром, так?

– Так.

– Договорились, иди за телегой! – согласился Бурраш, и они с Ламтаком пожали друг другу руки, показывая, что сделка состоялась.

Ламтак развернулся и пошел прочь, а Бурраш принялся отвязывать от ног злодея камень.

– Старшой, стой! Старшой, дай слово сказать! – завопил Сизый.

– Поздно говорить слова, сделка есть сделка.

– Старшой, прости! Господин Бурраш! Ваше благородие, я все отдам! Я только медь пропьянствовал, а все серебро там осталось, под досками! Извольте, тотчас покажу!..

Бурраш отвязал камень, посмотрел на рыдающего злодея и вздохнул.

– Ладно, Сизый, но это последний раз. Ты слышал?

– Слышал, ваше благородие! Спасибо, век не забуду!..

– Не скули. Сейчас пойдешь с Сазаном, покажешь, где казну зарыл, потом встанешь к барже с солью и будешь работать два дня. Понял?

– Я отработаю, я все покажу, все отдам и все отработаю!..

– Сазан! – крикнул Бурраш, подзывая звеньевого.

Тот подошел, утирая пот.

– Бери этого, спекся он. Готов показать, куда серебро спрятал, а потом ставь его на соль, пусть таскает до ломоты в костях.

– Понял, – кивнул дюжий грузчик и, схватив Сизого за шиворот, поставил на ноги.

– А этот, демон бородатый, он же сейчас с телегой придет, господин Бурраш! Что вы ему скажете? – спросил Сизый, поминутно оглядываясь на мостки, откуда могла показаться телега.

– Иди, с бородатым я сам разберусь, – отмахнулся Бурраш, и грузчики ушли, после чего из-за огромной бухты просмоленного каната появился Ламтак и, смеясь, подошел к Буррашу.

– Сработала твоя комедия, брат-шорник. Даже чересчур. Я думал, он тут прямо обделается. Ты чего приходил-то?

Ламтак вздохнул и почесал в затылке.

– Дело одно появилось.

– Хорошее дело?

– Не то чтобы очень выгодное, но я от него никак не отвяжусь.

– Надолго дело это? – уточнил Бурраш, понимая, что Ламтаку нужна его помощь, всякие мелкие неприятности он решал сам.

– Нужно пугнуть захватчиков, которые на чужую землю покусились.

– Далеко ехать?

– Дня три, а то и все пять. Как получится. Но обещали заплатить по двадцать терций серебром, если все выгорит.

– Ну, двадцать терций серебром – это хорошие деньги, а если в неделю управиться – так просто очень хорошие.

– Да, – кивнул Ламтак.

– К Мартину с Рони ходил?

– Нет, сначала решил с тобой поговорить, а уж потом их беспокоить.

– Ну, считай, я в деле. А что за место?

– Городок Фарнель.

– Это вроде уже Ингладия?

– Нет, но у самой границы.

Они немного помолчали, и Ламтак вдруг спросил:

– А ты свои деньги еще не потратил?

– Нет, конечно. Ты думаешь, раз я выпить люблю, так все просажу за неделю?

– Что ты, Бурраш, я так не думал.

– Ну и зря. Мысли такие у меня были, но ты мне сказал, что положишь деньги в рост, и я сделал то же.

– Отдал банкирам?

– Да, Толефсонам. Или не нужно было?

– Нет, все правильно сделал. Давай прямо сейчас пойдем к Мартину с Рони.

– Хорошо, сейчас только распоряжусь, и двинем. У них после завтрака часто пирожки лишние остаются, – вспомнил Бурраш и улыбнулся. – Баба Зена их такие вкусные готовит!

5

За полчаса быстрой ходьбы, которая Буррашу давалась легко, а Ламтаку приходилось переходить на рысь, они пришли к дому, где прожили неделю после возвращения с дальнего похода. За те несколько месяцев, что прошли с тех пор, здесь все заметно переменялось.

Старые хозяйственные постройки были снесены, а огромный пустырь за домом разрабатан под огород. В конце пустыря, на клочке выкупленной площади, поставили новые хозяйственные постройки, в которых теперь были полдюжины коров, свиньи, куры, утки и гуси, благо неподалеку находился небольшой пруд, который усилиями наемной силы и под руководством деятельной бабы Зены был хорошо вычищен. И теперь вся водоплавающая птица хозяйства блаженствовала на его водной глади.

На огороде росло много зелени, которую сбывали на местном рынке и еще на двух. Для развоза продукции имелась одноосная повозка и пятнистый мул Рубанок, имя которому придумал Рони.

Они с Мартином отвечали за развоз товара и починку разного инструмента, а торговлей на рынках и работой на большом огороде занимались приходящие работники.

У ворот гостей облял сидевший на цепи пес, и видно, что не шутил – рвал цепь так, что дрожал столб, за которую цепь держалась.

На шум выбежал Рони и приказал собаке убраться в будку, а потом обнялся с друзьями и провел их на огород, где, помимо Мартина и бабы Зены, находилось четверо работников, которые что-то там пропалывали.

– А вот и гости! – воскликнула баба Зена. – То-то мы вас сегодня вспоминали, когда пирожки лишние остались!

– Остались? – с надеждой переспросил Бурраш.

– И остались, и новые испеку – тесто у меня в холодном чулане спрятано, чтобы не бушевало до обеда.

– Да чего там уже осталось до этого обеда, – поддержал ее Мартин, и все прошли в дом, который также носил следы свежей окраски и ремонта.

Ламтак с Буррашем тотчас побежали мыть руки – так их приучила баба Зена. Затем гостей посадили за стол, причем гному предоставили удобную подставку и скамеечку под ноги – чтобы не болтались.

– Спасибо большое, – сказал он и даже растрогался, ведь в прошлые разы ничего этого не было. А теперь появилось – значит, его ждали в гости и готовились.

Пока угощались булочками с кислой сметаной, баба Зена принесла пирожков – сладких, какие обожал Бурраш, и с капустой, которые нравились Ламтаку. На время все разговоры прекратились, и гости молча отдавали должное поварскому искусству бабы Зены.

И только потом, с поданными отварами из сушеных ягод, перешли к разговору о цели визита. При этом баба Зена заняла место за столом, поскольку уже давно не была в этом доме прислугой, а скорее управляющим или даже королевским управляющим и одновременно министром обороны.

– У меня дело одно образовалось, – начал Ламтак. – За него заплатят – по двадцать терций серебром.

– Не похоже, чтобы тебя это заинтересовало по своей воле, – угадала баба Зена, поскольку знала о предприимчивости гномов, а уж Ламтака особенно. Он, сидя в своей мастерской, мог заработать не меньше, никуда не выезжая.

– Это так, Зена. Земляк ко мне приходил, сказал, что нужно помочь Ювелирному Дому, в котором меня обучали. Я должен был отработать учебу и, конечно, отработал бы, но там

тогда случился пожар, хозяин погиб и все как-то... расклеилось. Ученики роптали без дела, а я и вовсе сбежал. Потом попал в наемники, и покатилося.

– Понимаю тебя, – вздохнула Зена.

– Я не против проветриться, – сразу высказался Рони. – Ты что скажешь, Мартин?

– Можно и прогуляться, – согласился тот.

– А далеко гулять собрались? – спросила Зена.

– К самой английской границе, в городок Фарнелъ.

– Фарнелъ? – переспросила Зена, и ее лицо переменилось так заметно, что все замолчали.

– А что не так в этом Фарнеле? – спросила она уже спокойнее.

– Дом Литейщиков забрал пустоши и луга Дома Ювелиров. Мы их чуть поколотим и вернемся, – сказал Ламтак.

– Я почему переспрашиваю – места там странные, много гномьих копанок.

– Да, гномы там давно живут, – подтвердил Ламтак.

– В тех краях часто люди пропадают, ну и, наверное, гномы с орками тоже. Но я знаю только про людей, однажды целая банда пропала.

– Что за банда? – спросил Мартин, который этой истории еще не слышал.

– Это уж когда я в бега подалась из нашенских мест. Пристала там к одной шайке – на полтора саженей. А у них как раз была война с другой шайкой. Но тех поменьше было, и они все норовили то ночью на лагерь напасть, то разведчиков наших зарезать. Мы их под одной деревней почти достали, но они опять уткнулись через меловые горы с помощью проводника, а нам никто помогать не вызвался, пришлось идти кругом – через перевал. Однако там нам повезло, где-то они ошиблись, и вскоре мы нашли их на другой стороне гор, как раз недалеко от Фарнеля. Прибежали наши разведчики, орут, дескать, нашлись люди Гонзалеса – встали у бровки возле старой дороги на гномий рудник. Наш главный, Нордквист, сразу отряд собрал, разбились на коды и пошли заходить с двух сторон. Главный сказал – никого не щадить, ни один уйти не должен. Очень он их ненавидел за порезанных разведчиков наших.

И вот вышли мы на высотки, сплошь заросшие ракитником, выглядываем и видим: впереди, шагах в двухстах, сидят наши враги, кашу варят, сапоги зашивают, тесаки точат. Вскоре разглядели и дозор. А когда наши головорезы к дозорным выползли, так тех и не нашли. Поначалу решили, что они нас заметили и тревогу подняли, но нет – сидят на травке и отдыхают, уже почти рукой подать – сотня шагов до них, нужно только балочку перейти. И вот когда мы перешли балочку и с криками ворвались в лагерь, то никого не нашли.

– Вона как, – покачал головой Рони.

– Да, вот так. И костры горят, и каша бурлит, и сапог недошитый валяется, а где-то точило брошено или тряпки какие. Но людей – никого.

– Так вы бы поискали! – заволновался Бурраш.

– Так поискали, конечно, все облазили, до самой стенки дошли, которую гномы сто лет долбили и сделали отвесной, как у крепости. Она вверх футов пятьдесят – по ней никак не поднимешься, а уж полусотне разбойников такое вообще невозможно – чтобы по-тихому и так быстро.

– И чего вы потом делали? – спросил Рони.

– А ничего. Поудивлялись и ушли. Потом еще неделю по деревням выспрашивали, но никто Гонзалеса с его людьми не видел.

– Так и пропали?

– Почитай, пропали, но только мы их видели еще дважды.

– Да ну! – подался вперед Бурраш, и все остальные тоже налегли на стол, ожидая продолжения.

– Да. Еще через неделю шли из-за кордона с дороги на Хохцин, мы туда ходили английских купцов грабить, да нарвались на английских же шерифов с конницей. Было сражение,

и мы пробились в свое королевство. И вот идем, уже дело к сумеркам, и вдруг видим – лагерь вдалеке, опять шагах в двухстах, и наши сразу говорят – Гонзалес это и люди его. А как подошли, да с оружием – там и нет никого. Прошли дальше, а потом слышим, дозорные сзади перекликаются, обернулись, а лагерь Гонзалеса теперь позади нас.

– Страшно, – покачал головой гном.

– Страшно, – кивнула Зена. – Мы оттуда до полночи скорым шагом топали, только бы подальше оказаться, а потом еще долго спать не могли, все нам казалось, что дозорные Гонзалеса где-то близко перекликаются.

– Ух, баба Зена, с вами лучше пирожки кушать, чем такие истории выслушивать, – сказал гном.

– Это точно, – улыбнулась Зена.

– А что потом с вашей большой бандой сделалось? – спросил Рони.

– Я не знаю. Ушла я от них.

– А почему?

– Меня главарь, Нордквист, хотел сарбанам продать. Это были такие пришлые разбойники, которые людьми торговали.

– Тебе сказали и ты ушла?

– Нет, – покачала головой Зена. – Не сказали. Напали прямо у костра вечером, но я всегда начеку была, а за голенищем – нож. Этот Нордквист мне еще должен остался – долю за купцов английских не отдал.

6

На город опустилась темнота, и ремесленные улицы погрузились во мрак – там рано ложились спать. Прохожие исчезали, торопясь домой, чтобы не попасться в руки ночным грабителям или не угодить в зловонную канаву, которых тут хватало.

– И как они тут живут? – бормотал Дунлап, стараясь угадать, что впереди – ошметок грязи или заполненная зловонной жижей яма.

Он засиделся в кофейне за беседой со знакомыми гномами. Потом они пошли домой, а он – на тайную встречу. Конечно, пойдя он сюда засветло, обошлось бы без грязных башмаков, но его могли заметить – этого Дунлап и боялся. Он вообще не любил города, а уж Пронсвилль – в особенности. По его мнению, этот приморский город вонял рыбой значительно сильнее других, в особенности по сравнению с Лиссабоном.

Вот и заветная дверь, за которой его ждали. По крайней мере, должны были ждать.

Встреча была рискованной – без гарантий безопасности, но Дунлап считал себя гномом решительным и предпочитал действовать.

Остановившись, он огляделся, однако с обеих сторон была погруженная во мрак улица. Из окон доносился храп, а где-то приглушенная ругань. Паркины пили, женились, дрались и работали. Дунлап их презирал.

Он негромко постучал, и дверь отворилась. Перед ним возник здоровенный бандит – здоровенный даже среди паркинов.

– Кто таков? – спросил он с издевательской интонацией, хотя прекрасно знал, кто пришел и зачем.

«Веди меня к хозяину, дерьмо!» – хотелось выпалить Дунлапу, однако этот паркин мог врезать ему кулаком или даже выхватить нож, а Дунлап не был каким-то там потрошителем, вроде этого худородного Ламтака. Тот мог бы и ноги оторвать этому наглому паркину, а Дунлап не мог. Хотя и чувствовал себя выше и достойнее этого урода.

– Мне нужен ваш хозяин. Проводите меня к нему.

Бандит посторонился, и Дунлап прошел на подворье, с облегчением ощутив под ногами мощный досками тротуар. Уж здесь-то паркины не мочились и не выливали ночные горшки, как на улице.

Дальше его и вовсе подхватили под локоть и сопроводили до другой двери, за которой оказалась просторная комната.

В комнате находился стол, на котором стояли блюда с угощениями, а в центре стола горели два масляных светильника, заправленных фильтрованным отожженным маслом, что говорило об известных доходах хозяина комнаты.

– Давай присаживайся, коротышка! – сказал тот, указывая на неудобный для гнома стул. Дунлап огляделся и забрался на диван, давая понять, что совершенно независим и не нуждается в каких-то там угощениях.

– А, извини, забыл, что тебе нашенское не по размеру.

Хозяин пододвинул стол к дивану так, что теперь они находились примерно в равных условиях.

– Можете называть меня «господин Дунлап», – сказал гном, оглаживая бороду и скрывая за этим жестом свой гнев.

– На господина не рассчитывай, но Дунлапа я выговорю. Так что ты нам принес, Дунлап?

Задав свой вопрос, хозяин взял рюмку со жгучей перегонкой и махнул одним глотком, а потом, сморщившись, сунул в рот какой-то соленый овощ. Дунлапа даже передернуло, он не выносил этих пересоленных корней.

– Я был у одного худородного земляка, – сказал Дунлап, замечая тарелку с засахаренными орехами.

– Что, сладкого захотел? – перехватил его взгляд хозяин и пододвинул тарелку. – Жри, недомерок, у нас этого добра навалом. Мы одного купчишку стрижем, он поставляет нам сладости.

Дунлап скромно взял один орешек, а когда хозяин потянулся налить себе еще рюмку, сгреб в ладонь треть тарелки и спрятал в карман. Дунлап очень любил сладкое.

– Говори, недомерок. У меня сегодня еще дельце есть незаконченное, – сказал хозяин и залпом выпил новую рюмку.

– Я уже сказал, что был у худородного земляка. Полтора года назад он ходил из Лиссабона в Пронсвилль с банкирским золотом. Что-то вроде пятидесяти тысяч терций.

– Ничего себе кусманище! – произнес замороженный суммой разбойник. – Ну и чего дальше?

– Хозяин золота в походе погиб – были какие-то стычки. Но потом следы золота теряются, а те, кто выжил, рассказывают, что в сундуках были простые камни.

– Знакомая песня, – улыбнулся разбойник и налил себе еще. – Может, ты тоже махнешь, недомерок?

– Господин Дунлап, вообще-то.

– Ну конечно, – кивнул разбойник и выпил. Потом поставил рюмку, посмотрел на мерцающий огонь светильника и вздохнул.

– Стало быть, Дунлап, ты думаешь, что золотишко припрятали?

– Припрятали, – кивнул гном.

– И кто?

– Вся команда охраны, что была при сундуках.

– А может, ты ошибаешься? Может, пережрал орехов с сахаром и стал картины рисованные видеть?

– У всех, кто участвовал в этом походе, имеются золотые монеты, которые они положили в банк, а также построили на них всякие новые дома, амбары, мастерские.

– Хлипковато для пятидесяти тысяч золотом. Там бы впору флоты покупать и дворцы строить королевские, а не мастерские.

Дунлап улыбнулся и покачал головой.

– Вот тогда бы они себя выдали с головой и получили бы кучу проблем. А так они спрятали золотишко и подтаскивают его малыми толиками – по необходимости. И все думают, что это очень скромные люди, гномы, орки.

– Там и орки имеются?

– Один таки да, в наличии.

– Если все так, то проделали они это умно.

– Умно, – кивнул Дунлап. – Наверное, это Ламтак придумал. Орк сразу бы дворец купил.

– Да, непременно, – кивнул хозяин. – У меня в команде как-то задержалась пара орков. Полгода с нами промышляли. Так вот им деньги были не интересны, им больше убивать нравилось.

– Это были черные орки. А обычные, они и поздоровее, и на людей своими пороками похожи. Чтобы выпить и деньги промотать.

– Не любишь нас, да?

– Мы не о любви с вами говорить собрались, господин Грай. Вы хотели дело, я вам его принес – они отправляются на краткую службу. Просто проследуйте за ними, наверняка они заглянут в свою кубышку.

Хозяин вздохнул, налил себе еще, но пить не стал и отодвинул рюмку.

– Понимаешь, недомерок, вся эта беготня, слежка, это все долго и неинтересно. А ну как они никуда заглядывать не станут и вернуться домой с этой твоей службы?

– Вы можете захватить кого-то из них и жечь каленым железом.

– Жечь мы их и здесь можем, зачем куда-то мотаться?

– Нет-нет! – замотал головой гном. – Никаких здесь экзекуций производить не нужно. Лучше подальше от города, чтобы никто ни про что не узнал. У меня, знаете ли, деловые связи, и если что-то всплывет...

– Тогда наведи нас на своих приятелей подальше от города. Или наведи на других богатеньких гномов. Я когда-то не слабо потрошил ваших торговцев и вытряс немало золота.

– Ну и где это золото от гномов, господин Грай? – с усмешкой поинтересовался Дунлап. – Мы тут сидим, почти в нищенской обстановке, где золото гномов, которое вы награбили? А я вам скажу – нельзя красть у гномов, их золотом нельзя воспользоваться, оно уходит сквозь пальцы, понимаете?

И Дунлап воздел кверху свои короткопалые ладошки, показывая, как именно уходят воровские богатства.

– А у других, значит, красть можно, недомерок? – спросил хозяин свистящим шепотом, а затем схватил гостя за ворот и стал трясти. – Гномов грабить нельзя, а других можно, сволочь ты эдакая?!

– Господин Грай! Господин Грай! – завопил Дунлап, пытаясь высвободиться.

– Я не господин Грай, – ответил хозяин, отпуская гостя и возвращаясь на место. – Я Нордквист, слышал о таком? Мое имя гремело по всему северо-западу! У меня купчины в складчину дороги выкупали, чтобы торговать между Инглиндией и Карнейским королевством! На меня сам король Август ордера подписывал!..

Хозяин махнул рюмку перегонки и выдохнул пары.

– Ну не знаю, как к вам теперь обращаться, но может, мы уже до чего-нибудь договоримся? Поймите, я не могу вам, как вы сказали, сдать кого-то из богатых гномов. Здесь это невозможно, а в наших краях... Ну, это не в наших традициях – сдавать своих.

– Но и в этой команде тоже гном имеется.

– Имеется. Но, как я уже говорил, гном этот худородный, и вообще...

– Ладно, как там тебя...

– Дунлап, – подсказал гость.

– Да. Договорились. Мы за ними не пойдем, я выставлю своих людей на дороге – по деревням. Это самое верное будет.

– Как скажете, тут вам виднее.

7

Дав последние наставления Раулю, самому старшему и опытному своему работнику, Ламтак оставил деловито стучащий иголками цех, зашел в конторку и, схватив мешок размером и весом почти с него самого, вышел с ним наружу.

– Надолго уезжаете, хозяин? – спросил возница, который был у Ламтака в постоянном найме – доставлял кожи и развозил готовые заказы.

– Надеюсь уложиться в неделю, Джекоб, – выдохнул гном, кладя на телегу тяжелый мешок.

– Вы с вещами, стало быть?

– Нет, это там... гостинцы, – сказал Ламтак и, ухватившись за край телеги, запрыгнул на солому. Лошадь дернула, и возница натянул поводья.

– Куда ты, дура? Команды не было!..

– Все, я на месте. Можно ехать.

И они поехали. Ламтак уселся поудобнее, запретив себе оборачиваться на мастерскую, и стал просто глазеть на город. Отсюда, в свете клонящегося к закату солнца, тот казался таким красивым и таинственным.

Ветер с моря утих, и дымы с многочисленных труб поднимались почти вертикально. Дымили кухни, дымили кузни, дымили коптильни и солеварни на юго-востоке – у самого моря. Прежде Ламтак не обращал на эти красоты внимания – все его мысли занимала только мастерская.

Они спустились с пригорка, прогремыхали по засыпанному мусором оврагу, и, когда кобыла вытянула телегу на городскую дорогу, Ламтак заметил Бурраша, нагруженного солдатским мешком и мечом в ножнах на поясе.

Заметив орка, возница стал погонять лошадь, чтобы проехать быстрее, но Ламтак его придержал:

– Погоди, это мой товарищ – мы его подвезем.

– Товарищ? – поразился возница. – Так он в порту всеми бандитами заправляет!..

– Кто-то должен ими заправлять, Джекоб, так пусть лучше он.

Возница не нашелся, что ответить, но лошадь придержал. Бурраш обернулся и, увидев машущего Ламтака, запрыгнул на телегу.

Они поздоровались, и ехать стало веселее.

– Ты на кого свою фабрику бросил? – спросил Бурраш.

– На надежного работника. На неделю его умения хватит. А ты на кого ватагу кинул?

– На двух надежных работников.

– А чего на двух?

– По одному я им не доверяю. Один все разворовать может, а другой – все пропить.

Возница краем глаза покосился на Бурраша, и тот это заметил.

– Ты чего как не свой, парень? – спросил он, хлопнув возницу по плечу.

– Да того, что ваша милость третьего дня мне пинка отвесили...

– Да когда ж такое было?

– В порту возле шаланды оборванцев. У меня шкворень вывернуло, телега боком пошла и вашим дорогу перегородило. Я было хотел поправить, а меня ваша милость пинком под зад. Да еще обругали. А это не я, это шкворень! Это мне Тит-Лопоухий такой шкворень выдал. Должен был полмешка проса, а потом говорит, гвоздей дам и один шкворень! А мне гвозди без надобности, ну я взял – проса от него когда еще дождешься. А еще этот шкворень взял! А он ломаный и кузнецом сваренный! Я не виноват, а ваша милость меня под зад!..

- Ну извини, приятель. Там такая запарка с разгрузкой случилась, у шаланды течь, она оседает прямо на глазах, мои люди бегают, чтобы груз спасти, а тут ты со своей телегой...
- Это шкворень был!..
- Ну хорошо, вот тебе за незаслуженную обиду, держи, – с этими словами Бурраш подал вознице несколько медных монет, и это изменило настроение пострадавшего.
- Премного благодарен вашей милости! – объявил он и сразу забыл про свою обиду.

8

Мартин с Рони их уже ждали. Заранее было решено собраться вместе к вечеру, чтобы до рассвета отправиться в путь.

Несмотря на то что солнце уже зашло, во дворе продолжались сборы. Работники укладывали в мешки продукты, Мартин и Рони занимались укладкой боевой амуниции и двух комплектов боевых дубинок – парой буковых и парой дубовых.

Баба Зена еще раз проверяла арбалет и болты, которых теперь было с избытком – были заказаны у лучшего кузнеца.

Неподалеку стояла миловидная девушка и держала светильник так, чтобы Рони было лучше видно, что укладывать в мешок.

– У вас прибавление? – негромко спросил Бурраш, ставя к стене свой солдатский мешок.

– Ой, – отмахнулась баба Зена. – То он в город к какой-то бегал, думали уже дом для них отстраивать, теперь вот эта – соседская.

– Чего помочь, баба Зена? – спросил Ламтак, ставя свой мешок.

– Ничего не нужно, ребята. Идите в дом, там и светло, и пирожки со сметаной. Подзаправьтесь перед сном, утром много есть не захочется.

– Это точно, – согласился Бурраш, и они поднялись в дом.

Пока разминались пирожками, пришли остальные – Мартин, Рони и баба Зена.

– Все, – сказала она. – Два мула дожидаются в сарае, мешки полностью собрали, работников отпустили.

– А девицу? – спросил Бурраш, пряча усмешку.

– Рони, девицу ты отпустил? – поддержав игру, спросил Мартин.

– Отпустил. Тут близко – сама дойдет.

– И то верно.

Вместе они еще раз прошлись по пирожкам, запили все ягодным отваром и отправились спать – гостям постелили в отдельной комнате.

На сытый желудок спалось хорошо, не донимал даже лохматый кобель, всю ночь гонявший вдоль ограды кошек.

Утром баба Зена подняла всех чуть свет. Печка уже весело трещала, и что-то готовилось на плите.

– Что там, баба Зена? – спросил Бурраш, показывая вымытые руки.

– Садись уже. Большой пирог с мясом.

– А вы, баба Зена, не устаете так валандаться? – спросил вдруг гном, забираясь на приготовленное для него место. – Это же нужно вставать еще ночью, чтобы так рано пирог поспел.

– Молодая была – любила поспать. И наплевать было на то, что пожарить нечего будет. А теперь у меня вроде как семья. И потому, как вспомню, что всех накормить нужно, вскакиваю – и к печке. Даже подумать, чтоб лениться, не успеваю.

Через час команда уже была на окраине, а два нагруженных мула еще видели сны и встряхивали головами, отгоняя невидимых мух.

Бурраш находился в приподнятом настроении, для него каждый поход был если не началом праздника, то веселым развлечением.

Ламтак все время думал о мастерской – как они там без него?

Рони думал о соседке. Еще год назад он ее не замечал – мала была, а теперь совсем другое дело.

А Мартин думал о том, что из всего этого выйдет. Рассказы Зены заставляли готовиться ко всякому, хорошо хоть, ехать было относительно недалеко, не то что в прошлый раз – за далекие моря. И еще Мартин вспомнил прачку, которая жила в конце их улицы, – у нее был

сынишка шести лет. Пару раз она приносила им стираное белье, и Мартину показалось, что они с ней обменялись особенными взглядами.

«Надо бы наладить с ней знакомство, – подумал он. – Как вернемся – обязательно налажу».

9

За первый день отмахали пятнадцать миль и в запыленных башмаках на негнущихся ногах зашли на постоянный двор, стоявший на краю какого-то захудалого поселения.

Вышедший навстречу хозяин, казалось, даже не верил такой удаче, чтобы так много гостей за один раз. Дорога была не главной, и важные люди проезжали редко. В основном местные крестьяне, которые старались гроша лишнего не потратить и, как правило, покупали только дешевое пиво, а ночевали в телегах на бесплатной соломе.

А эти, зайдя во двор, сразу стали требовать места, чтобы мулов поставить, и заказали покушать.

Заметив на поясе орка меч, хозяин немного струхнул, но Бурраш подмигнул ему и сказал: – Это на разбойников, а ты не тревожься.

Разгрузились гости сами, а потом гном ходил смотреть место, куда ставить мулов. Все проверил, осмотрел запоры и пощупал овес – не сырой ли и нет ли гнили. Овес был в порядке, и он вышел.

Получив в свое распоряжение большую комнату, гости переобулись в мягкие обрезки и в них вышли под навес. Сидеть в комнатах было душно – за день стены сильно прогревались.

– Хорошо еще, что верхом не ехали, – заметил Рони, помогая руками забросить ноги через скамейку.

– Правда твоя, малой, – согласился Мартин. А Бурраш чувствовал себя нормально.

– Я привычный, целый день бегаю, да еще по мосткам, да с мешком соли на горбине, – пояснил он, пододвигая чашку с чечевичной похлебкой.

Заметив напряжение хозяина харчевни, Мартин высыпал перед ним горстку медных монет и сказал, что это аванс. Трактирщик сразу повеселел, понимая, что обманывать его не будут, вызвал стряпуху и работника, чтобы кормить гостей жареным мясом и молодой зеленью.

И чтобы булочек сделали, а еще кашу с медом и ванилью.

Но это на любителя, такого, как господин со второго этажа. Он жил здесь уже четвертый день, наружу почти не показывался, и ночами хозяин слышал, как тот ходил по комнате, позвякивая шпорами.

Его жеребец стоял в отдельной загородке, и постоялец проверял его каждый вечер, не забывая напоминать, что зарубит всякого, кто его коню что-то не то подсунет. А чего там подсовывать, если вода ключевая и отборный овес?

Кушал этот постоялец немного, но все только свежее. И чтобы масло в горшочке отдельно топленое. А еще салат просил – листья такие, но салата не было, поэтому договорились на молодую капусту.

Плату не зажимал, деньги давал ежесуточно, и если хозяин просил на что-то больше, давал не торгуясь. То есть совершенно замечательный и щедрый был постоялец, если бы не одно – хозяин его боялся до жути и всякий раз думал, что вот-вот этот господин ему в морду заедет. Взгляд у него такой был – особенный. Смотрит-смотрит, а потом вздохнет и отвернется, словно сдержался, чтобы в морду не дать.

– Эй, хозяин, а что, много у тебя постояльцев бывает? – спросил Бурраш задумавшегося трактирщика.

– Что, ваша милость? – переспросил тот.

– Постояльцев много бывает? – снова повторил орк, обглаживая свиные ребрышки.

– А, это... Не особенно.

– А наверху кто? – спросил Рони. – Я заметил, что там, за ставнями, кто-то маячит.

– Не обращайтесь внимания, господа. Там один человек из города – климат ему лекарь прописал сменить, вот он и дышит тут у нас. В городе пыльно, да и сыро.

Хозяин поклонился и отошел, надеясь, что нелюдимый постоялец, если услышал разговор, оценит его. Ну на кой он к этим ставням подходил? Сидел бы себе на лавке. Гости-то проездом, утром и уберутся восвояси.

Трактирщик не знал, почему постоялец прячется, но был вынужден ему подыгрывать.

Уже совсем стемнело, и новые гости, проверив мулов, отправились в комнаты спать. Хозяин вышел к воротам, чтобы запереть их на ночь, когда заметил появившегося там позднего путника, который вел в поводу осла.

– Примешь на постой, добрый человек? – спросил путник. На взгляд трактирщика, выглядел этот путник каким-то ненастоящим.

– Да я тебя, прохожий, знать не знаю, – попытался отказать трактирщик, однако незнакомец придержал ворота и, оставив осла, зашел во двор.

Трактирщик невольно оглянулся, а незнакомец вдруг приставил к его лицу кинжал:

– Не вздумай заорать, болван.

– И не подумал, ваше благородие, – пролепетал трактирщик, холодея от ужаса.

– Мне нужен господин на дорогой лошади.

– Да он на втором этаже, ваше благородие, если же... желаете, открою дверь, когда он уснет.

– Дурак, я не убивать его пришел, мне поговорить нужно, – сказал незнакомец, убирая кинжал, поскольку понял, что слишком напугал хозяина.

– Из... Извините, ваша милость, я не по... понял.

– Ладно, не трясись, на вот тебе, – сказал незнакомец, сунув под нос трактирщику серебряную монету.

– Пы... Премного благодарен.

– Постояльцев много?

– Уф... Ваша милость, дайте отдышаться, я ведь думал, вы меня – того...

– Ладно, отдышись.

Хозяин сделал несколько вдохов, затем взглянул на монету в руке и удовлетворенно кивнул.

– Значит, так, ваше благородие, сегодня приехали четверо. Среди них – два инородца. Один, который высокий – с мечом на поясе. Меч старый, битый, похоже, это бывший солдат.

– Чего хотят?

– Полагаю, завтра дальше поедут.

– Из откуда и куда?

– В сторону границы... Ах...

Трактирщик картинно зажал себе рот.

– Так вы полагаете, ваша милость, что они...

– Да перестань ты чушь пороть, – одернул его незнакомец. – Или слышал чего?

– Ничего такого, ваше благородие. Плетут себе, чего хотят. Похоже с Пронсвиля прибыли.

– Почему так решил?

– Пришепетывают, когда говорят «подай пирожки». Так говорят на берегу, то есть – портовые.

– Ладно, с ними пока все. Как улягутся, поднимешься к господину и скажешь, чтобы во двор спустился.

– Не поверит, честное слово, мне не поверит. Он на меня, как на инглидского шпиона, смотрит, все глазом сверлит, даже мурашки по спине и ниже... Прошу прощения.

– Ты не дослушал, дурак.

- Прошу прощения.
 - Ты не дослушал. Скажешь, что вызывает поговорить «гость от тетушки».
 - Гость от тетушки?
 - Да тихо ты...
- Незнакомец зажал трактирщику рот и огляделся.
- Именно так, – сказал он, отпуская трактирщика.
 - И что потом?
 - Он спустится.
 - А мне что делать?
 - Спать пойдешь.
 - Слушаюсь, ваше благородие.

10

Около полуночи тайный жилец спустился во двор. Он понял, кто вызвал его на беседу, однако на всякий случай держал под рукой кавалерийский арбалет и кинжал.

– Рабас, я здесь, – сообщил о себе пришлый, выступая из темного угла.

– Леопольд! – облегченно произнес постоялец, опуская оружие. – Почему так долго?

– Твой курьер нарвался на грабителей, потерял лошадь, кошелек и суму с фальшивым донесением. Но в нательной рубахе доставил твое письмо с задержкой в четыре дня.

– Дерьмовая дорога.

– Да ладно тебе, хорошо, что вообще живым добрался. Тут недавно обоз с рыбой остановили – всех вырезали до единого.

– Что за глупость?

– Для нас с тобой – глупость, а разбойники таким образом свою силу показывают. Теперь купцы должны с ними договариваться и выкупить дорогу, чтобы ездить без резни кровавой.

– Только их нам тут не хватало, – вздохнул постоялец.

– Вот именно. Так что езжай осторожно, твой конь издалика ценой замечен. Брал бы лучше казенного, все меньше беспокойства.

– В другой раз так и поступлю.

– Что там за гости у вас?

– Ах, эти... – Постоялец вздохнул. – Похоже, частная экспедиция. В мешках оружие, кольчуги, щиты. Бывалая команда, но здесь у них интереса нет.

– Точно?

– Уверен. Ну, я побежал собираться.

– Давай, а я здесь покараулю.

Через полчаса, когда Рабас выехал за ворота, во двор осторожно выбрался хозяин.

– Так что, ваша милость? – спросил он.

– Теперь я твой новый постоялец в той же комнате.

– А...

– Серебряный терций я дал в знак доброго знакомства, если ты об этом. За остальное плачу отдельно.

– Ослика поставить разрешите?

– Разрешаю. Только мешок сюда давай.

Приезжий забрал мешок и, оставив осла хозяину, поднялся в комнату своего предшественника.

В углу горел светильник, кровать была заправлена. На столе – кувшин с водой и блюдо с белым хлебом. Еще – сахарница, солонка, льняная салфетка, вот и все напоминание о предыдущем жильце.

Приезжий бросил мешок на пол, достал меч, арбалет и, зарядив его, положил на пол – возле кровати. Теперь он заменял предшественника и отвечал за все, что здесь могло произойти.

Заперев дверь на засов, постоялец упал на кровать и прикрыл глаза. Похоже, у него появилось время поспать и прийти в себя после этих торопливых сборов и укрощения осла на дороге, когда пару раз его хотелось просто прирезать. И вот он здесь, а значит, можно выспаться.

Постоялец уже стал погружаться в сон, когда чей-то шепот заставил его проснуться и целиком обратиться в слух.

Если бы кто-то говорил в полный голос, постоялец бы не проснулся, но шепот действовал на него, как удар городского колокола.

– Привет, Тревор...

– Ой, Барабан, ты зачем заявился?

– Проведать тебя.

– У меня все в порядке, уходи давай...

– Кто твои постояльцы, Тревор?

– А я почему знаю? Мое дело радоваться, что люди пошли. Я без доходов полгода сидел – разве не знаешь?

Вскоре разговор прервался, кто-то вышел до ветру, и шепот прекратился. Потом хозяин шикнул на ночного визитера, чтобы убирался, и стало тихо.

«Надо будет выяснить», – подумал постоялец, потом приподнялся и, удостоверившись, что дверь действительно заперта, уснул.

11

Утром гости встали с рассветом, и пока завтракали, солнце поднялось над горизонтом, отчего задымили, закурились туманом дороги, отдавая накопленную за ночь росу.

– Должен сказать, что пироги здесь стряпню бабы Зены напоминают, – заметил Бурраш, подбедая оставшуюся на тарелке сметану.

– Да, что-то такое есть.

– Это последняя нормальная еда на дороге, дальше будет только фасоль, чечевица и маринованная репа, – сообщил Ламтак.

– Да ладно тебе! – не поверил Мартин.

– Точно тебе говорю. Мы идем к границе англичан, а у них это первейшая еда.

– А я слышал, англичанцы мясоеды, – заметил Рони.

– Все мы мясоеды, когда деньги имеются, – поправил его Бурраш. – Но в их тюрьме, поверь мне, ни о каком мясе и не слыхивали.

– Так это, может, только в тюрьме?

– Выходим, грузим мешки! – объявил Мартин, поднимаясь из-за стола. – Эй, хозяин, иди сюда – рассчитывать станем.

Хозяин назвал цену, Мартин стал отсчитывать монеты и, подняв голову, застал нового постояльца возле окна. Тот резко подался назад, Мартин уронил монету и, когда трактирщик бросился ее поднимать, Мартин спросил тихо:

– А кто у тебя там наверху?

– Я... Это... Не расслышал, – ответил трактирщик, подавая Мартину оброненную монету.

– Теперь в расчете? – спросил тот.

– Так точно, ваша милость, в полном расчете.

Мартин решил больше ни о чем трактирщика не спрашивать, в конце концов они уезжали.

Когда он вышел во двор, Рони с Буррашем вязали последний мешок. Вскоре после этого отряд вышел на дорогу и двинулся в сторону английской границы, мимо оставшейся справа в низине деревни.

В сотне шагов от постоялого двора на обочине дороги лежала огромная стела, которая стояла здесь в давние времена и тогда же свалилась.

От удара о землю по ней пошли глубокие трещины, однако даже теперь у всех, кто видел ее, возникало чувство внутреннего трепета перед возможностями и могуществом тех, кто мог сооружать такие каменные громады в далекие времена.

– Эта штука была вдвое выше, чем дом самого Овцера, – заметил Бурраш.

– Знаменательная конструкция, – согласился Бурраш.

Неожиданно из-за вершины древней стелы вышли двое молодцев с кинжалами на поясах.

– Ну-ка стой! – крикнул один, вытягивая вперед руку. Но шедший первым Бурраш даже не подумал остановиться.

– Вы что, не поняли? Это наша дорога, и все, кто здесь проезжает, должны платить нам деньги!..

– Мы не будем, – сказал Бурраш и отодвинул наглеца в сторону.

Ламтак захихикал.

– Эй, да вы знаете, с кем дело имеете? Да вас порвут за ближайшим поворотом, мы люди Ландфайтера!.. Я здесь прикрепленный к дороге, я налог собираю!..

– Парень, вали, пока тебя не побили, – посоветовал ему Мартин.

И вся группа проследовала мимо разбойников, которые были поражены тем, что их не испугались.

– Это потому, Бражник, что мы слишком добрые, – сказал самый активный из разбойников.

– А что бы ты им сделал, Лютый? Их четверо, и орк при оружии. Давай лучше трактир обрушим, там пожрать и выпить точно найдется, а если этого дятла потрясем, так и денег вышибем.

12

Так они и сделали – ввалились на постоянный двор и, вызвав хозяина, для начала избили его, повалив на землю.

– Ты понял теперь, кто мы? – спросил Лютый.

– Я... Я буду рад принять вас, ваша милость... – пролепетал трактирщик, прикидывая, во что ему обойдется этот визит.

Что касалось оплеух – этого он не боялся. Жить на пустынной дороге и не получать время от времени по морде – это роскошь совсем небывалая. Зато, если гости изрядно выпьют, то даже те, кто давал зуботычины, могли начать сорить деньгами и вслед за серебром – бросаться золотом.

Случалось, что после таких разовых пьянок он потом полгода жил припеваючи.

Но эти были не такими – наглые, грязные и с кинжалами. Скорее всего, разбойники из новой банды, которая завелась тут месяца три назад.

– Мы люди Ландфайтера, врубаешься? Тащи нам жрать и выпивки, пока я тебя не изувечил!

Хозяин убежал исполнять приказание, а разбойники, довольно посмеиваясь, прошли на террасу и заняли места за столом.

– Вот примерно так, Бражник, я и вижу нашу дальнейшую жизнь, – сказал Лютый, разваливаясь на дубовом стуле. – Скоро нам тут все платить станут – и деревенские, и сельские, и посадные.

– А шерифы?

– А чего шерифы? Ландфайтер с ними договариваться умеет, а несговорчивых в землю закопаем. У нас это быстро, ты знаешь.

– Знаю, – согласился Бражник.

Прибежал хозяин и начал расставлять оставшиеся с вечера объедки, полагая, что грязные разбойники сметут все не глядя. И оказался прав. Они не обращали внимания на вкус, привкус или запах, достаточно было одного вида еды.

Бражник не забывал про пиво, а Лютый не переставал хвалиться и обещать, как они заживут в скором времени.

– Денег давай, сволочь! – внезапно прервался он, хватая трактирщика за ворот.

– Так нет денег, ваша милость, поиздержался я! Давайте я вам еще пива принесу, и бражка у меня на травах – очень полезная для желудка!..

– Хорошо, – внезапно успокоился Лютый и подмигнул Бражнику. – А скажи, сколько у тебя богатеньких постояльцев?

– Постоялец один, но он вполне себе скромного достатка, ваша милость. Оставьте вы его, давайте я вам еще соленых грибочков принесу. Возле речки сам собирал – все, кто пробовал, хвалят.

– Нет, показывай, где у тебя постоялец! – потребовал Лютый, поднимаясь, и его напарник тоже поднялся со стула.

– Ну зачем, ваша милость, давайте я вам яишенку сделаю... – предпринял трактирщик последнюю попытку, но Лютый ударил его по щеке.

– Я сейчас тебе сам яишенку сделаю! Веди давай!

Трактирщику ничего не оставалось, как показать на лестницу. Ну а что он еще мог сделать, ведь стоял до последнего?

Разбойники поднялись к двери самой лучшей комнаты и стали ломиться в нее и орать, чтобы им открыли, а трактирщик вышел на дощатую террасу и обессиленно опустил на стул.

Уже столько лет прошло, как в их краях перевелись разбойники и жить стало намного легче, и вот теперь – снова.

Наверху слышались крики, звон стали, и вдруг все стихло.

Трактирщик поднял голову и увидел выглянувшего в окно постояльца.

– Лопата у тебя есть?

– Чего?

– Лопата, говорю, есть?

– А, есть! – спохватился трактирщик.

– Хватай лопату, тряпок каких-нибудь и ведро воды!

– Понял, ваше благородие, одну минуту!

Для такой работы у него имелась тележка и подзабытая дорожка в лес. Туда они с постояльцем и сбегали – уложились в полтора часа.

Когда вернулись, солнце уже было в зените и стряпуха что-то скребла на кухне.

– Вам обед наверх подать, ваше благородие? – спросил трактирщик.

– Нет, скажи, чтобы твой работник там еще раз начисто вымыл и окно пусть откроет, чтобы быстрее просохло. А я пока тут посижу и обедать здесь стану.

Когда трактирщик выполнил все распоряжения, он вернулся на террасу и сел, переводя дух.

– Ты вчера ночью с кем шептался?

– Я?

Трактирщик хотел было соврать, но натолкнувшись на пронзительный взгляд постояльца, вздохнул.

– Раньше, когда здесь разбойники хозяйничали, был у них в деревне свой человек, вроде как соглядатай. Он тут прижился и давно стал своим. Хозяйство у него, баба. Детишек, правда, нет. Но он давно человек безобидный, ваше благородие, и я о нем забыл почти. А тут вдруг появился и стал расспрашивать. Я даже удивился. Ой, вроде стучит кто в ворота? Нет?

– Я не слышал.

– Ну так я пойду, посмотрю, может, впопыхах закрыл, а люди стучатся...

Трактирщик вскочил и рысью выбежал во двор. Увидел, что ворота действительно заперты, и, убрав засов, распахнул створку.

Перед ним оказались трое путников, дальше еще несколько. Они закрывали один другого, и сосчитать их трактирщик не успел.

– Заходите, господа, милости прос... сим... – произнес трактирщик, затихающим голосом. Эти люди смотрели куда-то в землю, их волосы развевал ветер, хотя никакого ветра не было и сумерек не было, ведь только что был полдень.

– Помощь... Нам нужна помощь... – проговорил один из них, и трактирщик заметил, что этот человек в одном сапоге.

– Помогите нам...

Порыв невидимого ветра захлопнул ворота, да так сильно, что створка отскочила назад, и, когда открылась, трактирщик никого не увидел. Дорога была пустой и горячей от солнца.

Весь погруженный в собственные мысли, он вернулся на террасу, где стряпуха уже подавала постояльцу первое.

– Тебе чего-нибудь дать, Тревор? – негромко спросила она, но трактирщик только покачал головой.

– Кто там был? – спросил постоялец.

– Никто. Просто ветер створкой ударил, да и пригрезилось что-то.

– Понимаю, – произнес постоялец, принимаясь за еду. – После таких приключений – случается.

– Я пойду, ваше благородие, в деревню схожу, – сказал трактирщик, поднимаясь.

– К этому?

– Так точно. Попробую разузнать легонько, чего приходил, а то как-то беспокойно.

– Хорошо, только после – сразу ко мне и все расскажешь.

– Обязательно, ваше благородие. Обязательно.

И, оставив постояльца, трактирщик прямо через холм направился в деревню, старательно избегая лощин и рощ, хотя идти по солнцу было жарковато.

Изрядно вспотевший и раскрасневшийся, он прибыл к дому Барабана и, переведя дух, постучал в ворота.

Залаяла собака, забеспокоились гуси на заднем дворе.

– Кто там?

Это был голос Барабана.

– Тревор это. Выйди, ты мне нужен.

Барабан вышел в рубаше, драных портках и с руками, перепачканными дегтем. Привычно, по-разбойничьи огляделся и хрипло произнес:

– Ну?

– Ты чего ночью приходил?

– Соскучился, – усмехнулся Барабан.

– Ты давай не скайся, там залетные какие-то вертятся. С ножами.

– И сколько их?

– Пока были двое.

– А где они теперь?

– Не знаю, я за ними не слежу. Так чего приходил, неужели Нордквист объявился?

– Если и объявится, то не по твою душу, живи спокойно, торгуй похлебкой с сухарями.

Все, больше вопросов нету?

– Нету, – вздохнул трактирщик, и Барабан повернулся уходить.

– Ты помнишь Гонзалеса?

– Гонзалеса? Как же его не помнить, я сколько раз его работу видел. Такого кровопийцу поискать нужно. За ним много кто охотился, да только везло ему.

– Я его видел.

– Как это? Когда? – распрямился Барабан, и его лицо посерело.

– Сейчас, почти что... Только это как будто не взаправду...

– Да ты перепил сегодня, что ли? Морда-то опухшая.

– Опухшая от другого, Барабан. Я сегодня стук услышал, вышел ворота открыть, а там они стоят – Гонзалес и его команда. Ну, может, не вся, а человек двадцать. А один, тот, что справа, – в одном сапоге, понимаешь?

– В сапоге?

– Ну ты же помнишь, рассказывали, что когда они пропадали, так даже по одному сапогу оставили, когда голенища подшивали или там каблуки набивали. Так вот он в одном сапоге и стоял.

– Жуть какую-то рассказываешь, – покачал головой Барабан и нервно хохотнул. – А чего хотели?

– Помоги, говорят. А сами в землю смотрят. Потом створка хлопнула от ветра, я ворота снова открыл, а там уже никого.

Они помолчали. Барабан задумчиво перетирал на пальцах деготь, трактирщик смотрел вдоль улицы, где под забором в тени дремали две собаки.

– К чему это, как ты думаешь?

– Не знаю, Тревор, что тебе сказать. Просто напейся, как следует, а на другой день опохмелись и снова напейся.

– Думаешь, поможет?

– Должно помочь.

Возвращался трактирщик уже по дороге, где встретился с пятеркой пограничных шерифов. Они были при оружии, и лица их были трактирщику незнакомы.

Он посторонился и отвесил поклон, однако они его как будто не заметили. Как-никак королевские слуги.

13

Погода стояла хорошая, ноги после вчерашнего перехода еще побаливали, но в общем отряд шел бодро, и даже мулы не доставляли никакого беспокойства.

Хорошо покормленные на постоялом дворе, они лишь изредка гадили да прядали ушами, отгоняя назойливых мух, которых, к счастью, в это время года было не слишком много.

– Я вот чего спросить у тебя хотел, Ламтак, стало быть, ты обучался на золотых дел мастера, правильно? – спросил Рони.

– Ну да, – нехотя ответил гном. – За то и расплачиваюсь, хотя я по этой работе совсем немного подражался.

– Но ты же еще подметки клеить можешь и каблуки прибивать – этому ты где научился?

– И не придется ли нам за тебя еще с подметочными цехами воевать! – добавил Бурраш, и все засмеялись.

Дорога пошла под гору, и Рони с Мартином пришлось поддерживать мулов за седло, чтобы они не убежали вниз. Спускались минут десять, в иных местах придерживая мулов даже вдвоем. Дорога была плохой, ее никто не строил и не накатывал, она образовывалась сама собой, и после каждого дождя по-новому.

Спустившись на дно долины, путникам пришлось петлять между болотцами, озерными ямами с чистой водой и множеством наполнявших эти ямы ключей.

То тут, то там вздымались стены высокого камыша, над головами носились стрекозы, и путникам казалось, что они шли вдоль какой-нибудь реки или большого озера. Однако сухие участки дороги перемежались с мокрым песком и кочковатой глиной, приходилось скакать с места на место, а в иных местах Бурраш брал на загривок Ламтака – тому было не перепрыгнуть между кочками там, где воды было слишком много.

Наконец, они пошли в гору. Болотца с лягушками и тиной остались позади, а им на смену пришли заросли прибрежных кустарников, которые цвели медовыми цветами, привлекая множество диких пчел и пушистых шмелей. Здесь будто начинался другой мир, который питался водой из мира предыдущего – болотного.

За медовыми кустарниками был луг, но и дорога пошла в гору круче. Теперь Мартин с Рони думали о том, как бы не пришлось подталкивать мулов под зад, однако не потребовалось. Дорога стала петлять по склону, тем самым заметно удлиняясь, однако становясь более пологой.

Неприятности долгого пути скрашивались обилием луговых цветов, которые, наполненные влагой, цвели в полную силу без всякой экономии солнечного света. Синие васильки, алые маки, желтые тюльпаны и тюльпаны розовые. Фиалки – в низинах, львиный зев – на пригорках, и поверх всего этого великолепия – не прекращавшееся гудение пчел и шмелей.

Помимо пчел здесь порхали бабочки и залетали с низинных болот хищные стрекозы. Они хватали зазевавшихся мошек и уносились прочь, оставляя бабочек и пчел заниматься своими делами.

– Ох и запах! Даже голова кружится, – признался Рони.

– Это, братец, не запах, это – ароматы, – поправил его Мартин. – А запах был в тюремной камере, я его очень хорошо помню.

– Как же ты его различал, если двадцать лет дышал одним и тем же? – спросил наблюдательный Ламтак.

– А по осени. Летом вроде нормально, а потом наступала осень, становилось холоднее, и в окно поступал студёный свежий воздух, который был как... я даже не знаю с чем сравнить. Но, вдыхая его, я понимал, что он и есть чистый, а в моей камере – только смрад.

14

Наконец они выбрались из сырой долины, и потянулась прежняя пыльная дорога, прорезавшая старые холмы. Навстречу попадались одинокие телеги местных крестьян, которые при виде чужаков торопливо снимали шапки и кланялись.

– Запуганные они здесь, – сказал Мартин. – Хотелось бы знать почему.

– Да чего тут знать, граница рядом, стало быть, шерифы и разбойники – вот кто гнобит деревенских, – пояснил Бурраш.

– Ну, может, и так, – согласился Мартин.

Навстречу показались два быка и погонявший их мальчик. Быки шли по обочине, поднимая пыль, а мальчик с хворостинкой шел следом, стараясь не смотреть на встречных путников.

На нем была рваная рубаха и такие же расползавшиеся штаны. Мартин вышел ему навстречу и протянул пару медных монет, так его задела эта безысходная бедность.

– Спасибо, дяденька, – прошептал мальчуган, ничуть не порадовавшись такой премии, которой при его жизни хватило бы на пару недель.

Отряд двигался дальше, Мартин думал о несчастном ребенке, а когда обернулся – никого не увидел. Ни быков, ни пыли, которую они вздымали, ни мальчика.

– Эй, а как же... – он даже остановился, не веря собственным глазам. Остановились и остальные, кроме двух мулов, которым было все равно.

– Что же это было, а? – обратился Мартин к своим товарищам.

– Наваждение это, – сказал Ламтак, глядя на пустую дорогу. – В здешних местах такое и прежде бывало.

Следующие пять миль они проделали в полной тишине. Каждый думал о своем.

– Ты когда жениться думаешь? – спросил вдруг Бурраш, обращаясь к Рони.

– Я, что ли? – удивился тот.

– А кто еще?

– Ну... вон пусть прежде Ламтак, – попытался перевести разговор Рони.

– Мне дела нужно выправить, а уже потом жениться, – сказал гном.

– У вас что, не важно, сколько тебе лет и когда жениться потребуется? – уточнил Рони.

– Сколько лет – не важно. А вот какое хозяйство у гнома – это очень важно. Если нет дохода – нет невесты. Никто не отдаст глину гному, который на подножном корме или там наемный боец.

– Рони, Бурраш именно тебя спрашивал – когда женишься, – поправил разговор Мартин, скрывая улыбку.

– А, ну это... – Рони забежал глазами, не зная, что сказать. – Я молодой еще, не нагулялся.

Остальные засмеялись, но, вспомнив о недавнем наваждении, снова стихли.

Так они и топали еще пять миль, пока впереди не показалось малое войско – двадцать кавалеристов в голубых мундирах с золотыми карнейскими гербами.

– Ишь ты! – издали заметив их, произнес Бурраш.

– Да уж, – согласился Мартин, исполнявший в группе должность начальника.

Это был отряд пограничных шерифов, которые скакали двумя колоннами во всю ширину дороги, но, увидев неизвестный отряд, который держался своей стороны, были вынуждены выстроиться в одну колонну и проследовать мимо, посылая вслед незнакомцам полные негодования взгляды.

Здесь было принято сходить на обочину и пропускать королевских слуг, а эти позволили себе немыслимое, и за это их следовало наказать.

Когда колонны разминулись, глава шерифов поднял руку, и все его всадники остановились.

– Сержант Плашнер!

– Я здесь, мой лейтенант! – отозвался названный, выезжая на обочину.

– Плашнер, ты должен проследить, куда проследует эта группа, и сообщить мне в Местонге.

– Слушаюсь, мой лейтенант!

Между тем Мартин и его друзья продолжали бодро шагать в сторону английской границы, не замечая готовящихся проблем.

– Там вроде кто-то за нами едет, – сказал Рони, сбавив шаг в обеденное время, искали место, чтобы остановиться и перекусить.

Бурраш встал на стремя и, поглядев назад, сказал:

– Верховой какой-то, на солдата похож. Никуда не спешит.

Они сели и пообедали. Потом снова встали на дорогу и опять позади себя заметили верхового.

– Что же он – никуда не ехал? – удивился Рони.

– Может, и не ехал... – сказал Ламтак.

– Я могу засесть тут на обочине и расспросить его, – предложил Бурраш.

– Не нужно, если он за нами следит, найдет в Засупне. Так деревня называется, Ламтак?

– Именно так. И нам до нее восемнадцать миль топать.

– Придем в темноте, – вздохнул Рони.

– Ничего, я готов топать хоть до утра, – похвастался Бурраш.

15

А в это время где-то за английской границей в тайном лагере среди рассеявшихся на поляне солдат, держал речь их сержант.

– Задача предстоит нелегкая. Враг пытается вонзить в нашу землю свои отравленные когти, чтобы вносить смуту, подрывать королевскую власть и в конце концов разорвать Инглиндию на Терминлию, Галефакс и Город Зеленой Волны, как это случилось двести с лишним лет назад. Мы не должны допустить этого, поэтому нам важен каждый пустяк, каждый шаг шпионов врага, каждая его весточка и поданный знак.

На дереве закричала сойка, и сержант прервался.

– Сегодня вы разобьетесь на пары, наденете платья обычных горожан и крестьян и станете патрулировать приграничные дороги – где-то верхом, а где-то и пешими.

Снова прокричала сойка, на этот раз более настойчиво.

– Капрал Колберг, продолжайте беседу! – приказал сержант и, добежав до дерева, запрыгнул на лошадь и, дав ей шпоры, повел по зарослям, где умное животное уже неплохо ориентировалось.

Сержант и его рота вели здесь подготовку уже вторую неделю.

Когда сержант верхом выскочил из рощи, его уже ждал гражданский агент на пегой лошаденке.

– Ваша милость, прибыл шпион, как вы и описали! Извольте за мной, он у вдовы Лорми остановился!

Агент ударил лошадь смоляной тряпкой, и они понеслись в сторону деревни, до которой было семь миль.

– А с чего взял, что шпион? – крикнул сержант.

– Он с вечера молока много выпил и хвалил очень! Стало быть, не деревенский!..

И снова гонка, снова кусты по лицу и мошки в глаза, перепуганные птицы, взлетающие с деревьев, прыгающие в воду лягушки и опять гонка, гонка, гонка.

Потом был глубокий овраг, где в прошлом году староста сломал ногу, затем песчаная отмель вдоль высохшей речки. Гудение пчел возле пасеки, прохлада каштановой рощи, и опять пустырь с пожухлой травой, пахнущей горькой медовой настойкой.

– Вон она деревня, рукой подать! – прокричал агент, когда впереди показались черепичные крыши.

Спешили они на окраине, привязав лошадей к ближайшему забору.

– Далеко твой дом? – спросил сержант, сдерживая дыхание.

– Пятый по улице.

– А вдовы?

– Еще три дома, по другой улице.

– Хорошо, води давай, да только без шума.

– Понятное дело, разве я не понимаю... – ответил агент, и они двинулись вдоль заборов, пугая собак и удивляя деревенских.

– Уйди, уйди тебе говорю! Ты нас не видел! – требовал агент всякий раз, когда кто-то из односельчан подходил близко и спрашивал, что случилось.

Следом грозил королевской печатью сержант, и деревенские в страхе убегали – с королевской властью шутки были плохи.

Добравшись, наконец, до дома вдовы, агент с сержантом перебрались через забор и припали к запертой двери, чтобы услышать, что происходит внутри.

А внутри происходили вздохи и ахи, поэтому агент предложил подождать.

– У нее это надолго, – сказал он. – Мы еще отдышаться успеем.

– А откуда ты знаешь?

– Ну, мы же недалеко живем. Бывает, что и... захожу.

Характерный шум за дверью прекратился, и агент по приказу сержанта стал играть зашедшего соседа.

– Доранда, открой, это я – Румель!..

Румель постучал в дверь, но ему не открыли.

– Доранда, ты дома ли? – крикнул он, заглядывая в окно, но, заметив какое-то движение, вернулся к двери.

– Румель, ты? – спросила вдова из-за двери.

– Ну да! Открой, у меня смалец кончился. Займи меру на три дня.

Доранда открыла, и в дом, отбросив ее в сторону, ворвался сержант.

Послышался шум борьбы, затем шпион выскочил во двор, запрыгнул на лошадь без седла и, понукая ее каблуками, заставил выехать со двора.

Румель смотрел на это широко раскрытыми глазами, пока к нему не выскочил сержант, лицо которого было в крови.

– Давай к лошадям! Дуй к нашим за подмогой, а я постараюсь перехватить его – без седла далеко не ускачет!

Они наперегонки бросились к окраине деревни, в то время как шпион уходил на голой хребтине неоседланного коня. Вскоре сержант уже скакал за ним следом, а гражданский агент Румель мчался вызывать подмогу.

Целых полтора часа пограничные шерифы преследовали вражеского шпиона, пока, наконец, не загнали его на небольшое плато над пропастью с горной рекой.

– Попался, сволочь, – удовлетворенно произнес сержант, спешиваясь и поправляя сбившийся набок мундир. Затем вытащил меч и двинулся к шпиону, который уже сошел с лошади и стоял рядом с ней. До него было всего-то шагов сорок.

Следом за сержантом спешили шерифы и с обнаженными мечами пошли к шпиону, а тот попятился к краю пропасти.

– Никуда не уйдешь теперь, сволочь! Не уйдешь! – крикнул ему сержант, вспоминая, как этот враг уделал его сапогом в лицо. Но теперь положение переменилось. К тому же сержант был уверен, что где-то в одежде или в сапоге у шпиона имелась секретная депеша, за которую можно было получить новый чин. Ну или вознаграждение в десяток золотых. Тоже неплохо.

Сделав еще несколько шагов, сержант во всех подробностях разглядел лицо шпиона. Холеные усы, стриженная бородка, и стоял эдак подбоченясь, сразу видно – не простой мужичок.

Не простой, но на простую бабу повелся, хотя, вспомнив Доранду с длинными волосами, распущенными поверх тонкой сорочки, сержант подумал, что тоже бы повелся. Да и не раз.

– Ну что, ваше благородие, ответишь за мою морду битую? – спросил сержант и захохотал, наслаждаясь триумфом. А шпион грустно улыбнулся, взмахнул руками и исчез за козырьком плато.

– Стой! Стой, сволочь! – заорал сержант, бросаясь к краю пропасти, но увидел внизу лишь дымящуюся реку, разбивавшуюся о бесчисленные острые уступы.

16

В деревню Засупня команда пришла к полуночи. Селение было большое, разросшееся на торговле между двумя королевствами. Правда, основная торговля шла теперь по другой дороге – так уж сложилось. И два самых больших постоянных двора располагались у восточной окраины Засупни, а Мартин с друзьями прибыли к западной.

Дома здесь были пониже, однако построенный в прежние времена трактир выглядел все еще очень значительно, и хозяин не экономил на масле – над воротами и во дворе горело несколько светильников под настоящими стеклянными колпаками.

– Ишь какие расточительные, – заметил Бурраш. – Сразу видно – граница близко.

Заслышав на дороге шум, во двор выскочил привычный к поздним гостям хозяин. Он широко распахнул ворота, пропуская маленький отряд.

Заспанный работник принес еще один светильник, и путники стали разгружать мулов. Потом работник увел животных в стойло, а гости прошли в просторную побеленную комнату, где имелся стол и пара кроватей и тут же у окна – несколько скрученных тюфяков.

– А чем это здесь пахнет? – спросил Рони, сморщившись.

– Это синяя полынь, от блох, – пояснил хозяин. – Но я сейчас окно открою, оно и протянется.

Он распахнул раму и начал раскладывать на полу тюфяки.

– Фарнель отсюда далеко будет? – спросил Мартин.

– Двадцать миль. Если утром выйдете, да хорошим шагом, до ночи уложите. Но это, конечно, вряд ли.

– Ох, – простонал Рони, опускаясь на постеленный тюфяк. – Я так намаялся, что даже есть не хочу.

– Можешь и не есть, но ноги надо ополоснуть, а то утром болеть будут, – напомнил Мартин.

– Да знаю я. Сейчас поднимусь.

– А я поем, – сказал орк.

– И я поем, – принял решение гном.

– А вы как же? – спросил хозяин Мартина.

– А мне бы хотелось простокваши. Прямо сюда можете принести?

– Да как будет угодно. Конечно, принесу.

Бурраш с Ламтаком ушли, Мартин растормошил начавшего засыпать Рони.

– Иди на крыльцо – ноги мыть.

И тут же в дверях появился работник с крынкой простокваши.

– Ваша милость, вот простокваша.

– Поставь на стол и дай ему воды да мешковины – ноги вытереть.

– А, это пожалуйста. Идемте, ваша милость, я вам из кадушки поплескаю. Она у нас с дождевой водой – завсегда пользуемся для мытья. А вот скотину поить той водой нельзя, мулы пердят, а у лошадей и вовсе колики. Им из реки воду даем.

Мартин слушал эту болтовню работника и невнятные ответы Рони. Потом взял крынку с простоквашей и, подойдя к окну, стал пить.

Простокваша была свежая и холодная, должно быть, из погреба. Есть после длинного перехода ему не хотелось.

Перед окном был освещенный двор, а за ним – темнота. Окно выходило на окраину селения, где уже все спали.

Вдруг на дороге появился всадник. Мартин оставил простоквашу и стал вглядываться.

Всадник был в мундире, каком – не разобрать. Он близко подъехал к воротам, потом вдруг резко повернул лошадь и погнал обратно – прочь от деревни.

Вернулся Рони – босой. Башмаки и обмотки нес в руках.

– Чего у тебя в крынке? – спросил он.

– Простокваша.

– Дай.

Мартин протянул крынку, и Рони, отпив половину, вернул остатки Мартину.

– Все, засыпаю, – пробормотал он и, упав на топчан, вскоре засопел.

Послышались шаги, это возвращались Бурраш и Ламтак. Оба отдувались и поглаживали животы.

– Отужинали? – спросил Мартин.

– Так точно, начальник, – ответил Бурраш.

– Я хочу спать на кровати, – сказал Ламтак.

– Ложись, – пожал плечами Мартин.

– А я на полу лучше высыпаюсь. Ты не против, Мартин? – спросил Бурраш.

– Мне все равно. Если блох нет, могу спать где угодно.

– Блох нет. При таком полынном запахе они об стены убиваются, – сказал Ламтак, садясь на кровать.

– Нешто это запах? Вот я сейчас обмотки сниму, вот это будет погода, – сказал Бурраш.

– Меня таким не напугать, – сказал гном, ложась. Мартин допил простоквашу, сел на другую кровать и спросил:

– Всадника у ворот не видели?

– Я вроде слышал, кто-то проезжал, – ответил Бурраш. – А чего тебе этот всадник?

– Да он как-то странно повел себя. Подъехал к воротам, заглянул во двор, развернул коня и погнал в обратную сторону.

– В какую именно?

– Откуда мы пришли.

– А какой из себя?

– Да похоже, шериф. Один из тех, что мы на дороге встретили.

– Шерифы могут доставить неприятностей, если везешь товар на продажу, – сказал Ламтак. – Граница близко, они здесь самые главные, даже главнее королевского прокурора.

– Ты-то откуда про прокуроров знаешь? – удивился Бурраш.

– Да уж знаю. Спи давай.

Мартин поднялся и запер дверь на засов. Потом проверил, насколько он прочен, и лишь после этого тоже лег. Завтра им предстояла дальняя дорога.

17

Утром встали до рассвета, намереваясь выступить с первыми лучами солнца. Поднявшийся еще раньше хозяин и двое работников уже гремели сковородками на кухне, откуда разносились ароматы, заставившие проснуться даже соню Рони.

Когда гостям вынесли завтрак, с дороги послышался топот множества лошадей, как будто приближался целый отряд.

Гости не придали этому особого значения – мало ли кто там ездит, на то и дорога. Но лошади с рыси перешли на шаг, а затем в ворота требовательно постучали.

– Хурбени, отворяй немедленно, не то я сожгу твою грязную харчевню! – прокричал чей-то гневный голос, и хозяин бросился во двор – открывать.

– Бурраш! – вскакивая, крикнул Мартин, и орк бросился в жилую комнату, где был его меч. За ним последовал стремительный Рони и слегка медлительный Ламтак.

Через несколько мгновений все четверо уже были при оружии, однако пока не показывали его, сидя за столом как ни в чем не бывало.

Слышно было, как во двор въезжают и спешиваются кавалеристы, звеня оружием, уздечками и амуницией. Потом на пороге появился офицер – лейтенант пограничных шерифов. Он был при шляпе и в легких доспехах, а на поясе в ножнах висел длинный узкий меч.

Мартин подумал, что для кавалерийских атак такой, может, и годится, но для кабацкой драки – никак. Если только не перехватывать его поперек рукавицей, как это умел делать Бурраш.

– Так-так, кто такие? Почему тут присутствие имеете? – витиевато поинтересовался лейтенант и, подойдя ближе, дал возможность пройти в зал еще полудюжине шерифов, при том что примерно столько же оставалось во дворе.

– Они вчера в полночь прибыли, ваше благородие, – подсказал трактирщик.

Лейтенант пригладил усы и, не поворачивая голову, сухо произнес:

– Пасть закрой, не тебя спрашиваю.

– Прошу прощения, ваше благородие, – прошептал трактирщик, пятясь к стенке.

– Едем на работу в Фарнелъ, господин лейтенант, – сказал Мартин, поднимаясь. – Я в группе главный, меня зовут Мартин.

– Мартин, и все? – уточнил лейтенант, обходя вокруг зала, словно видя здесь все впервые и заставляя всех поворачиваться в его сторону.

– Раньше было прозвище – Счастливчик.

– А-а, значит, погоняло? – обрадовался лейтенант, ехидно засмеялся, и этот его смешок поддержали остальные шерифы. – Небось каторжник?

– Нет, в остроге сидел.

– И сколько сидел?

Лейтенант подошел ближе и склонил голову набок, ожидая ответа.

– Двадцать лет, господин лейтенант.

– Это... Одним сроком?

– Одним, – кивнул Мартин.

– Врешь, поди. Я всякого дерьма нагладелся, и на них весь срок как пером на бумаге написан.

Лейтенант поводил перед лицом Мартина пальцем, словно выписывая буквы.

– А ты вон только седой, а телом вроде крепок. Признавайся, врешь? Или родственник коменданта тюрьмы и двадцать лет на кухне мослы грыз? Такое тоже случается. Давай, колись, я никому не скажу. Где сидел?

– В Угле, господин лейтенант.

– В котором Угле, это который в департаменте Лиссабона?

– Именно так.

– Ну вот ты и спекся. Уж если врать, врал бы чего попроще, а так...

Лейтенант отошел в сторону и скомандовал:

– Взять этих мерзавцев под арест! Немедля!..

Шерифы было бросилась исполнять приказание, но осеклись, наткнувшись на блеск огромного меча в руках орка.

– Бурраш, ты его почистил! – поразился Ламтак.

– Что такое? Что такое?! – закричал лейтенант, вытаскивая свой меч. – Ты угрожаешь королевским шерифам?

– Я не угрожаю, господин офицер, я предлагаю еще поговорить, такая беседа была хорошая – заслушаешься.

– Резерв! Немедленно ко мне! – крикнул лейтенант.

– Резерв к лейтенанту! – повторил шериф с сержантским значком. И вдобавок к уже вошедшим в зал стали набиваться новые бойцы.

– Але, городской! – поднял руку Рони. – Раз уж быть драке, давай во двор выйдем, а то вы тут своими рапирами друг друга посшибаете.

– Эт-то не ра-пи-ра! – по слогам произнес лейтенант. – Это смертельное оружие!

Потом он опустил меч и сказал:

– Хорошо, выходим во двор.

И они стали выходить – сначала все шерифы, сразу вытягивая мечи, затем Бурраш с мечом, основательный Ламтак с мечом, щитом и со шлемом в руке. Потом Мартин с буковой дубинкой в полтора локтя и последним Рони, тоже с дубинкой и кожаным мешком, в котором был уже взведенный двулучный арбалет с уложенными в лотки болтами.

– Эй, гном, это у тебя лопата? – крикнул кто-то из шерифов, и остальные засмеялись.

– Сейчас узнаешь, – пообещал Ламтак и надел шлем, сразу становясь очень страшным. А когда он покрутил своим тяжелым оружием так, что оно запело, как крыло шмеля, смешки прекратились.

Мартин и его друзья выстроились в ряд, перекрывая путь к конюшне и стоящим там мулам, а шерифы заполнили половину двора и были стеснены стоящими тут же лошадьми.

– Господин лейтенант, как будем битву проводить, толпа на толпу или по-благородному – дуэльным образом?

– Дуэльным образом! – торжественно произнес лейтенант, и орк сразу сделал шаг вперед, ожидая, когда ему выдадут соперника. Однако навстречу гиганту с огромным мечом никто выйти не решился.

– Нет, я передумал! Будем биться все со всеми! – объявил лейтенант. – Внимание, взвод! Приготовиться к атаке!..

Шерифы подняли мечи, словно пики, и по команде «вперед!» бросились в наступление.

Бурраш быстрым ударом вышиб меч у бежавшего на него, а потом так лягнул его ногой, что бедняга собрал еще четверых, и все вместе они улетели под ноги лошадям, которые забеспокоились и стали ржать.

Воспользовавшись заминкой, Ламтак плашмя мечом сбил еще двоих, и они без памяти свалились на землю, роняя мечи и шляпы.

Атака захлебнулась, и шерифы попятились, помогая подняться упавшим. Однако сбитые Ламтаком продолжали лежать, а тот, которого лягнул Бурраш, едва мог наладить дыхание.

– Это вам даром не пройдет, каторжники! Прайс, Руппорт! Готовьте арбалеты!

Названные бойцы бросились к лошадям, где в кофрах лежало их оружие, но, услышав резкий свист, остановились. На крыльце стоял Рони с заряженным двулучным арбалетом и покачивал головой, как бы не советуя выполнять приказ лейтенанта.

– У меня каленые болты, ребята! Прошьет ваши жестянки, как масло!..

Лейтенант был совершенно обескуражен. Его арбалетчики остановились, не решаясь двинуться с места, и как замороженные смотрели на диво дивное – раскладную кавалерийскую машинку, о которых они слышали, но не видели никогда.

Понимая, что лейтенанту нужно как-то сохранить лицо, Мартин произнес:

– Господин лейтенант, по-моему, здесь происходит недоразумение между верными подданными карнейского короля. Предлагаю отвести наши силы с поля боя и обменяться мнениями.

– Хорошо, временно конфликт прекращаем. Сержант, соберите людей и выходите на дорогу.

Бурраш помог подняться двум сбитым Ламтаком шерифам, которые все еще плохо стояли на ногах. Он даже поднял их шляпы и нахлобучил на головы, а мечи отдал другому солдату.

После того как шерифы вышли со двора, а Бурраш, Ламтак и Рони удалились в зал харчевни, Мартин подошел к лейтенанту и сказал:

– Уверяю вас, господин лейтенант, тут произошло недоразумение. Мы честные подданные его величества, едем устраиваться на работу в Фарнель.

– А откуда у вас такие ухватки разбойничьи?

– Это не разбойничьи, господин лейтенант, это наймитские ухватки. Мои друзья долго были солдатами.

– По-нят-нень-ко, – сквозь зубы произнес лейтенант, все видом показывая, что ни на какую мировую идти не намерен.

– Знаете, я мог бы в качестве дружеской помощи подарить вам пару монет серебром, на память. Ну, или выпить винца за шерифов его величества.

– А что же так мало? – ехидно спросил лейтенант.

– Прошу прощения, стеснен в средствах, мы ведь только едем наниматься, – развел руками Мартин.

– Ну так и езжайте, посмотрим, далеко ли уедете! – выпалил лейтенант и, развернувшись, выскочил со двора. Вскоре его отряд тронулся и, встав на рысь, унесся в сторону границы.

– Ну и чего там? – спросил Бурраш, выходя на крыльцо.

– На мировую не пошел.

– Ну и хрен с ним. Мы тоже в путь двинемся, жратву нам хозяин в туески положит.

– Это правильно. Выводи мулов.

18

Отряд шерифов бодро двигался по дороге, вздымая пыль и прижимая встречные возы к обочине. Лейтенант Борвинг бросал по сторонам гневные взгляды в поисках какой-нибудь измены, но прохожие были сплошь крестьянами, шедшими по своим делам, к тому же вовремя снимали шапки и кланялись.

Кланялись пешие, кланялись возницы, и совершенно не на ком было выместить злобу.

– Эй, ты! – крикнул наконец лейтенант, заметив шедшего по тропе прохожего. Это было уже посреди деревни, и народ тут ходил по деревянным мосткам, куда лошадям хода не было. Но лейтенант спустился с дороги и, перегородив лошадью прохожему путь, строго спросил:

– Кто таков?

Сзади частоколом выстроилась вся дюжина шерифов, так что прохожий вжался в забор.

В окна из-за занавесок стали выглядывать любопытные.

– Я старьевщик из Бомпана, ваше благородие, иду в мастерскую, мне там сапоги перешивают – я их решил себе оставить, только голенища широковаты, вот я и решил...

– Заткнись! – заорал лейтенант. Он и сам не понимал, зачем остановил этого человека. Может, потому, что тот был слишком тепло одет, хотя это не было какой-то особенностью, крестьяне часто одевались не по сезону.

– Убери своих людей...

Лейтенанту показалось, что это какое-то наваждение. Этот забитый старьевщик теперь смотрел на него стальным взглядом и негромко повторил:

– Убери своих людей, лейтенант...

– Так, чего столпились? Ну-ка на дорогу, я здесь сам разберусь! – приказал лейтенант, и его команда, поднимая пыль, выбралась на дорогу.

Лейтенант снова повернулся к прохожему, а тот, продолжая смотреть на шерифа, поднял рукав, и на его запястье блеснул жетон с печатью тайной канцелярии.

У лейтенанта даже дыхание перехватило, никогда еще он не видел его так близко, да и агентов тайной канцелярии тоже никогда не видел. Только лаковую картинку, которую показывали для ознакомления, где во всех подробностях была нарисована эта самая печать, а еще описаны признаки, по которым можно определить подделку. Но о том, чтобы там чего-то перепроверять, у лейтенанта и в мыслях не было. Кто он и кто офицер тайной канцелярии! Рядом не поставить.

– Заори на меня и обругай, не подавай вида, что удивлен...

– А это... Я тебя, такой-сякой!.. Я тебя... накажу так, что мало не покажется!.. Такой-сякой!.. Тварь!..

– Хорошо, сгодится. Теперь я как бы тебя упрашивать стану, чтобы отпустил. – С этими словами агент схватился за стремя и, приблизившись, спросил: – Давно сегодня на дороге?

– До рассвета, ваше благо...

– Давай без этого.

– На дороге с рассвета.

– Ничего особенного не замечал? Группы, отряды, может, много мешков где-то на телеге?

– Нет, ваше... Ничего такого, насчет телег, а вот четырех сволочей здесь, в Засупне, мы обнаружили.

– Что за сволочей?

– Наемники!..

– Тиши ты, не ори, – дернул за стремя агент. – Говори яснее.

– Вот они-то самые что ни есть лазутчики, ваше благородие. Орк здоровенный и меч такой же, а рожа – разбойничья. Гном, шириной с телегу, с таким тесаком, что только быков

пополам рубить. А еще шнырик молодой, да с арбалетом складным двулучным! Такой механизм только у англичан получить можно, он как десяток лошадей стоит! И болты каленые – четыре грани!

– Не ори, – снова одернул его агент.

– Прошу прощения. И самый главный у них – некто Мартин-Счастливчик. Двадцать лет в Угле просидел, смекаете?

– Это в департаменте Лиссабона?

– А то! И как новенький, даже зубы целые. Ничего компания, да?

– И чего они, куда путь держат?

– Говорят в Фарнель. Якобы работа у них там.

– Фарнель близко к границе, – задумчиво произнес агент.

– Так а я о чем? – взмахнул рукой лейтенант.

– Бей...

– Чего? – не понял лейтенант.

– Замахнулся – бей. Люди в оба смотрят, да и твои вон вытаращились.

– А, ну извините...

Лейтенант отпустил агенту оплеуху, да так, что тот покачнулся.

– Прошу прощения, ваше благородие, я не рассчитал.

– Заткнись. Вы сейчас куда ехали?

– Дык на маршруте мы, протекцию проверяем, то да се.

– Хорошо, следуйте, проверяйте протекцию, а теперь отшвырни меня к забору и езжай по своим делам.

– Слушаюсь, ваше благородие, – прошептал лейтенант и, оттолкнув прохожего ногой, поехал на дорогу.

19

Понукая жеребца, лейтенант Борвинг выбрался на дорогу, и его тотчас догнал отряд.

– Чего вы с ним так долго, господин лейтенант? – спросил сержант Плашнер, поравнявшись с начальником. – Дали бы в морду, и дело с концом.

– Вам бы все в морду! А сведения кто собирать будет? Кто будет протекцию выяснять, настроения, то да се?

– И чего он сообщил?

– Обстановку сообщил. Ходил много, а я его сначала настрашал, потом – по-доброму, он и рассказал, где был и что видел.

– И чего он видел, господин лейтенант? – понижая голос, спросил сержант.

– Непокойно, говорит. Люди всякие ходят не нашенские. Мешки на телегах возют – помногу. А что в мешках?

– Что?

– Разбираться нужно, сержант. Граница рядом. В мешках может быть контрабандный товар, оружие и, возможно, листовки с поклепами на... сам знаешь кого.

– Да ну!

– Точно тебе говорю. Эти английские каналы такие доски придумали, чтобы не писать каждую писульку, а краской сразу хрясь – и готово.

– Да ну!

– Точно тебе говорю. И за день тыщу штук могут напачкать, а потом в мешки – и к нам, чтобы на площадях разбрасывать.

– Так что, прямо на дороге встанем и проверять будем? Можно разделить по трое, тогда четыре дороги перехватим, господин лейтенант!

– Обязательно перегордим, но сейчас у нас другое задание...

– Какое, господин лейтенант?

Неожиданно перед лошадьми пронеслась кошка, а за ней с лаем проскочила кудлатая дворняга. Лошади напугались, и жеребец лейтенанта встал на дыбы, едва его не сбросив.

– Стоять, зараза! Стоять! – закричал лейтенант, и его конь затанцевал на задних ногах. Потом встал на все четыре и встряхнул гривой.

– Спокойно, Постулат, спокойно, – произнес лейтенант, похлопав лошадь по шее. Его взяла досада, что он чуть не свалился с коня посреди деревни при своих людях, ему было обидно, что их чуть не побили заезжие наемники, ему было неприятно, что его одернул этот агент – лейтенант немало струхнул при виде той самой печати. Требовалось каким-то действием вернуть самоуважение и уважение своих солдат.

– Внимание, отряд, идем на Робертово!

– А может, сначала покушаем, господин лейтенант? – спросил кто-то.

– В Робертове покушаете! Медлить нельзя, там сейчас напряженная обстановка!

– А почему именно в Робертово, господин лейтенант? – спросил сержант.

– Потому что там самая граница, потому что там удобный переход по оврагам, а у соседей, между прочим, бунт, так что сейчас от них каких угодно подлюстей ожидать можно. Всем все ясно?

– Так точно, – закивали шерифы.

– Тогда за мной – вперед! Кто отстанет, напишу на лбу – «задница».

Бойцы засмеялись и стали пришпоривать коней вслед за командиром.

Отряд шерифов в красивых синих мундирах, серебристых доспехах и шляпах с перьями пролетел через деревню и пошел к границе – в деревню Робертово.

Девушки бросали им вслед мечтательные взгляды, а мальчишки на улицах принимались обсуждать мечи и кирасы. Шерифы были местной достопримечательностью и даже гордостью приграничных деревень.

20

Деревня Робертово стояла в полутора милях от границы и в пяти милях от деревни на английской стороне. Два селения разделяла изрезанная оврагами равнина, по которой во времена высокой пошлины на английскую шерсть тащили контрабанду, пользуясь этими самыми оврагами.

Со временем в Карнейском королевстве тоже развели овец и стали производить собственную шерсть. Но хотя английская все еще была дешевле, пошлины убрали, и тащить тюки по оврагам стало неинтересно.

Однако за те двадцать лет, пока держалась пошлина, по обеим сторонам изрезанной оврагами долины выросли две деревни, население которых составляли контрабандисты.

Теперь они редко таскались через границу, занимаясь огородничеством и выращивая в запруженных оврагах рыбу.

Еще занимались разработкой леса, в основном – березы. В сыром месте она росла в изобилии и очень быстро. Ее рубили на щепу, деготь и на топливо, а потому в большом доме и постройках у местного лесничего лесорубы часто жили целыми ватагами – иногда больше, иногда меньше. Но в этот раз их набралось около двух дюжин, и они сидели без дела во дворе, в доме и сарае. Таскались с топорами и потюкивали ими тот тут то там. Но на работу не шли – чего-то ждали.

Некоторые позевывали, им было скучно, но вдруг послышался топот, и во двор вбежал взмыленный наблюдатель, которые парами дежурили по высотам и просто сидели на деревьях.

Он вбежал на крыльцо, хлопнул дверью, и все повскакали с мест, переглядываясь и обсуждая, что это могло быть.

А наблюдатель толкнул дверь в комнату и застал командира за чтением какой-то бумаги.

– Господин сержант, там на дороге шерифы!..

– И много?

– Тринадцать человек, сэр! Верховые!..

– Сюда едут?

– Нет, сэр, пока в деревню! Но как будто спешат – едут крупной рысью!

– Так, возвращайся, и смотрите там в оба, если попрут сюда – извещайте немедленно!

– Слушаюсь, сэр! – козырнул наблюдатель и выскочил вон.

Сержант поднялся, убрал бумагу в кожаную сумку и повесил на пояс. Он, как и остальные, был в обычной крестьянской одежде, и только свои знали, кто тут есть кто.

Выглянув в окно, он заметил, что его бойцы встревожены и им нужно объяснить ситуацию.

Сержант вышел на крыльцо, одернул рубаху и сказал:

– В деревню едут шерифы. Будут ли здесь – пока неизвестно, но если сунутся, мы их встретим. Капрал Колберг, в случае появления шерифов оставайтесь во дворе – по легенде мы ждем возвращения лесничего, который отправился в лес размечать делянки. Перед шерифами не тянуться, отвечать односложно. Может быть, они уберутся, что лучше и для них и для нас. Все понятно?

– Так точно, сэр! – вытянулся капрал, который также был в гражданской одежде.

Между тем прибывшие в Робертово шерифы приготовились было пообедать у старосты, когда прибежал какой-то крестьянин и сказал, что пропал лесничий.

– Ваше благородие! Я ему два серебра должен, а он хотел новый хомут купить. Старый-то у него пообтерся, хотя хомута у него три, но те грубой работы, по дешевке купленные.

– По делу говори, рожа немытая! – прервал его лейтенант Борвинг.

– Да, ваше благородие, прошу прощенья. Так вот, мы с ним рано виделись, когда я телка выгонял на выпас, а он, стало быть, с ягодника возвращался, в этом году ягода раньше пошла, поскольку тепло было и...

– Я тебе сейчас башку снесу! – предупредил лейтенант, слезая с лошади.

– Ну дык не пришел он. Скоро полдень минует, а он за своими деньгами не пришел. А я у него не первый раз занимаю, и всегда бежит сразу, как только говорю – ваша милость, разжился деньгой, будьте добры зайти. И тут же залетает, чтобы я, стало быть, не гульнул – со мной такое бывает, и тогда ищи-свищи...

– Заткнись, – бросил ему лейтенант, вскакивая в седло. – Едем к лесничему, а потом обедать!

Шерифы обменялись разочарованными взглядами, дом старосты был рукой подать, а в погребе у него всегда имелись копченые колбасы, которыми он угощал королевских слуг безо всякого ограничения. Но делать было нечего, и отряд поехал к дому лесничего, находившемуся всего в полутора милях от деревни Робертово.

Вскоре их заметили наблюдатели, и один из них снова понесся к дому.

– Едут! Едут, господин сержант! – закричал он еще с порога и подался в сторону, когда сержант выскочил на крыльцо.

– Всем оставаться на местах, покажите свою лень и равнодушие, вы – лесорубы, ждете распоряжений! Арбалетчики – на чердак дома!

По двору пробежало несколько человек, другие спрятали оружие поближе и замерли. Все напряженно вслушивались, и вскоре послышался лошадиный топот – отряд шерифов был уже близко.

Они ворвались на подворье, и лошади закружились, перебирая ногами и заставляя «лесорубов» вскакивать, чтобы не быть затоптанными.

– Кто такие?! Где лесничий?! – строго спросил лейтенант.

– Из лесу ждем, ваше благородие, – развел руками капрал Колберг. – А мы люди наемные – лес рубить приехали, сейчас самое время.

– Так, – произнес лейтенант, удерживая лошадь и глядя по сторонам. Рубить березу было не время, это начинали делать в середине лета, но он промолчал.

– Сержант, проверь дом.

– Слушаюсь! – козырнул Плашнер. Подъехал к крыльцу, соскочил с лошади и забежал в комнату. Ничего особенного там не было, но его взгляд привлекла приоткрытая дверь кладовки, в которой хранились всякие охотничьи припасы – силки, капканы, подкормка, арбалетные болты. Сержант заглянул в кладовку и отпрянул – там лежал убитый лесничий.

– Засада! Засада, господин лейтенант! – завопил сержант и бросился к выходу, но ему навстречу выскочил человек с мечом. Они сошлись, звеня сталью, но тут сержанта-шерифа ударили кинжалом в спину, и он упал.

Во дворе также закипела схватка. Пользуясь тем, что они верхом, шерифы носились по двору, сбивали противников лошадьми и секли их сверху вниз длинными мечами. Арбалетчики ингландцев били с крыш, но не всякий раз удавалось попасть в мятущиеся цели.

Наконец, все было кончено, и перебитые шерифы остались на земле.

– Лошадей, лошадей ловите! – хрипло закричал сержант, держась за раненое плечо – его таки достал с седла один из кавалеристов.

Перепуганных лошадей переловили, иначе они могли убежать в деревню и вызвать переполох.

– Уходим на запасную базу! Капрал, какие у нас потери?

– Семеро убитых, пятеро ранены, сэр, не считая легких ранений.

– И убитых, и раненых нужно увозить. Выгоняй телегу лесничего. Отряды двоих, пусть сопровождают ее до нашей границы. Остальные – на запасную базу! Скорее!

- А что с этими, господин сержант? – спросил один из бойцов, указывая на тела шерифов.
- Теперь уже не важно, мы уходим.

21

Городок Брененвальд располагался в пяти милях от деревни Засупня, если ехать вдоль границы и по берегу Брененвальдского озера. Городок был чистенький и мало чем выделялся среди других приграничных селений, если не считать нескольких лавок, торговавших шерстяными тканями, которые ткали здесь же в Брененвальде на английских станках из английской же пряжи.

В покупателях недостатка не было, все знали о качестве здешних тканей, поэтому торговцы имели хорошую прибыль.

В одну из таких лавок зашел прохожий – простой человек, прошагавший несколько миль с окраины деревни Засупня. И поскольку все приказчики занимались покупателями, которых здесь было не меньше дюжины, скромный посетитель остался ждать у дверей, а затем шагнул в нишу за тяжелой портьерой, где наткнулся на рослого господина с пронзительным взглядом.

– Лилия и король, – негромко произнес прибывший, и охранник посторонился, пропуская гостя за следующую дверь, где оказалась просторная комната с несколькими столами и бюро и где находилось еще несколько человек, занимавшихся кто чем – одни что-то писали, другие работали с хитрыми таблицами, а третьи курили, сидя у холодного камина.

– А вот и агент Бах! – сказал один из куривших, поднимаясь и оставляя на столике трубку. Его секретная печать висела открыто – на шее, в виде украшения, и была огромной, что говорило о высоком статусе.

Это был граф Абердин, руководитель тайной канцелярии.

– Что нового вы нам принесли, Бах?

– К сожалению, ничего особенного, ваше сиятельство. Есть несколько сообщений о переходе границы контрабандистскими шайками, но с ними разделились люди пограничного департамента. О пропавшем агенте ничего не известно, связной его еще ждет.

– Как там с охраной границы, эти мерзавцы из департамента постоянно лгут нам о своих усилиях, но, скорее всего, скрывают уворованные казенные деньги. Их в этом году им выдали безмерно.

– В Засупне видел отряд шерифов, они как раз двигались к границе. Очень активные, подозрительные – даже меня останавливали, чтобы подвергнуть допросу.

– Они не в Робертово ехали? – спросил другой офицер, куривший у камина.

– Этого я не знаю. Они не сказали, куда поедут, а я не мог спрашивать – все происходило на улице.

– Сколько их было? – спросил господин с печатью на цепочке.

– Тринадцать, ваше сиятельство. Лейтенант, сержант и солдаты.

– Их всех перебили в Робертове! – снова сообщил тот, что остался у камина. – Нам полчаса назад доставили записку с донесением.

– Перебили? – не поверил агент Бах.

– Да, – сказал граф. – Всех перебили на подворье тамошнего лесничего и самого лесничего тоже зарезали. Похоже, вы были последним, с кем они говорили.

– Похоже, ваше сиятельство. Они...

– Что?

– Этот лейтенант, ваше сиятельство, он жаловался на группу наемников, с которыми у него произошел конфликт.

– Вот как? – граф оглянулся на господина у камина. – Ты слышал, Френе?

– Так точно, ваше сиятельство.

Полковник Френе оставил свою трубку на столике и тоже подошел к Баху.

– Расскажите, Бах, мы внимательно вас слушаем.

– Лейтенант сказал, что на постоялом дворе у них произошел конфликт с четырьмя наемниками, и, насколько я понял, арестовать их шерифам не удалось. Как он сказал – они не дались.

– Тринадцати шерифам не удалось арестовать четверых наемников? – удивился полковник, и они с графом переглянулись.

– Там были не простые наемники. Лейтенант назвал орка с огромным мечом и разбойничьей мордой, но это эмоции. Назвал гнома, шириной с телегу, как он сказал, и с тесаком, каким только быков надвое разрубать. Назвал некоего молодого шнырика с арбалетом складным двулучным...

Агент Бах даже глаза прикрывал, чтобы вспомнить произносимые лейтенантом термины как можно точнее, и хотя цитаты были слишком цветистыми, это отражало характеристики, данные наемникам. Это было так же важно, как и сухие детали рассказа.

– По мнению лейтенанта, арбалет был английской работы и очень дорогой – с десятков лошадей стоит, а болты в нем каленые – четырехгранные. Вот.

– Однако, – покачал головой полковник.

– А кто же четвертый? – спросил граф.

– Четвертый, ваше сиятельство, некий каторжник Мартин-Счастличик. Двадцать лет просидел в замке Угол, который в департаменте Лиссабона. И зубы у него при этом все остались свои – вот на что лейтенант обратил внимание.

– Про зубы, скорее всего, вранье. Да и про двадцать лет в Угле – тоже. Неизвестно, откуда лейтенант это услышал. Я про этот Угол хорошо осведомлен, там была бессрочная тюрьма, но арестанты дольше трех лет не жили, – сказал полковник.

– Еще лейтенант сказал, что они якобы ехали в Фарнель, чтобы искать работу.

– Фарнель недалеко, можно проверить, – заметил Френе.

– Там и проверять нечего, нужно ставить заслон из проверенных людей, – сказал граф, возвращаясь к камину, – чтобы не получилось, как с этими шерифами – это же надо, четверым тринадцать кавалеристов переколоть.

– Я займусь этим, ваше сиятельство! – отозвался один из присутствовавших и поднялся из-за стола.

– Отлично, лейтенант Брэмил, соберите команду и выдвигайтесь немедленно. И еще: вы у нас один из лучших фехтовальщиков – как они это сделали вчетвером?

– Судя по тому, что я услышал, ваше сиятельство, это могут быть солдаты, прослужившие по пять, а то и десять лет где-нибудь в колониях. Они бы и с двумя дюжинами справились, для них война – родная стихия. А шерифы все время в седле, лишь изредка гоняют контрабандистов, вот и вся война.

– М-да, тем большее внимание обратите на подбор людей. А вы, агент Бах, выпейте чаю и займите место лейтенанта, он еще не закончил с шифром.

– Слушаюсь, ваше сиятельство.

Лейтенант передал Баху дела и ушел готовить отряд для поимки особо опасных преступников.

Граф и полковник вернулись к камину и взяли со столика свои трубки, вновь начав их раскуривать.

– Одного я не пойму, ваше сиятельство, чего эти сволочи так к нам полезли? У них ведь сейчас своих проблем выше крыши – бунт, – сказал полковник, скосив глаза на огонек трубки и старательно ее потягивая.

Граф улыбнулся.

– Тут как раз все просто, дорогой Френе. У англичан бунт, и мы своей агентурой всячески способствуем его распространению на Терминлию, Галефакс и Город Зеленой Волны.

– Ну так не все же им нам гадить.

– Они прекрасно понимают, что, если дадут нам возможность работать на их территории, мы доведем их до большой гражданской войны. Поэтому пытаются создать проблемы на нашей территории. А поскольку у нас, к счастью, никакого бунта не предвидится, они собираются устроить беспорядки – пожечь деревни, развалить несколько мостов, убить кого-то из местной власти или даже королевских чиновников.

– Тогда нам придется ловить их у себя, и мы забудем про их бунт?

– Вот именно, дорогой Френе. И поэтому нападение на шерифов может оказаться одним из их первых ударов.

– А учитывая, что у этих злодеев дорогой английский арбалет...

– Вот именно, дорогой Френе. Вот именно, – произнес граф.

22

Ночью в ворота к трактирщику Тревору снова постучали. Он привычно сунул ноги в сапожные обрезки, запалил огнивом фонарь и выскочил во двор, больше всего опасаясь, что снова увидит ужасное наваждение. Однако тот, кого он увидел за воротами, ужаснул его сильнее, чем призраки банды Гонзалеса.

– Здорово, хозяин, – басом произнес высокий незнакомец в длинном черном плаще и с секирой в правой руке. За ним стояло еще не меньше дюжины так же диковинно одетых людей – в долгополых плащах и рубахах. На некоторых даже были мясницкие фартуки, и у каждого – мясной топор либо тесак для разделки туш.

– Знаешь меня?

– Нет, ваша милость, но я рад любым гостям – прошу почтить меня своим присутствием, – промямлил трактирщик, отворяя ворота шире.

Страшные гости с топорами и секирами зашли во двор и разбрелись, осматриваясь. С трактирщиком остался самый страшный.

Тревор уже понял, кто перед ним, но раз уж не сознался, продолжал играть непонимание.

– Я хозяин здешних мест, трактирщик, – пророкотал разбойник, глядя на Тревора сверху вниз.

– О... очень приятно, ваша милость, – снова поклонился трактирщик.

– А ты думал, кто тут у вас хозяин? Может, король?

– Я не... – Тревор пожал плечами.

Страшный гость хрипло засмеялся.

– Ладно, трактирщик. Угости меня чем-нибудь. Удиви гостя, сможешь?

– Извольте на террасу, ваша милость, там удобнее всего, – засуетился трактирщик. – А я сейчас мясца, пива наилучшего, бражки медовой – всего, что пожелаете.

– Мясцо, – произнес гость со странной интонацией. – А ведь мясцо мы любим, правда, ребята?

Его спутники никак не отреагировали, продолжая соваться во все углы, вынюхивая, словно собаки.

В конце концов они расселись на террасе, и Тревор бросился выносить им все, что имелось в погребах и на кухне. Количество еды на столах множилось, но гости молчали.

– Ах, да что же это я! – всплеснул руками Тревор и, убежав на кухню, вернулся с тремя зажженными светильниками. – Харчи-то ношу, а свету забыл принести!

Он быстро расставил светильники, и на террасе стало значительно светлее. Тревор пытался поймать хотя бы один одобрительный взгляд, но его не замечали. Зато он при большем свете сумел рассмотреть длиннополые одежды и фартуки ночных гостей – они были заляпаны кровью. Многими слоями спекшейся крови.

– Постояльцы у тебя имеются? – спросил Ландфайтер.

– О... Один, ваша милость. Он там – наверху.

– Я посмотрю, – сказал гость и поднялся. Вместе с ним встали с мест и другие, но он сказал:

– Я сам.

И они сели.

Ландфайтер вышел на лестницу и стал медленно подниматься, слышно было, как скрипели под его тяжестью ступени. Тревор невольно их пересчитывал. Вот гость прошел их все, толкнул дверь и оказался в комнате постояльца.

Тревор зажмурился, ожидая страшного удара с треском, ведь Ландфайтер поднялся туда с секирой.

И тот действительно стоял посреди комнаты и смотрел на спавшего постояльца. Стоял долго, минуты две, стоял и смотрел, как по лицу спящего, освещенному всполохами ламп с террасы, катились капли липкого пота.

Наконец, Ландфайтер вздохнул и сказал:

– Ладно, живи.

Повернулся и вышел на лестницу. А постоялец открыл глаза и откинул одеяло. За эти пару минут он промок насквозь.

23

Когда Ландфайтер вернулся на террасу, Тревор все так же стоял не двигаясь и не знал, чего теперь ожидать.

– Ах да, ты вот что... – произнес Ландфайтер и опустился на стул. – Принеси, что ли, чего-нибудь перекусить.

– Я принес все, что было, ваша милость, – сказал Тревор.

– Ладно, тогда расскажи мне о моих людях.

– О... О каких людях, ваша милость?

– О моих людях. Ты глухой, трактирщик?

– Нет, ваша милость.

– Мне показалось, ты глухой из-за того, что тебе отрубили уши. Тебе когда-нибудь отрубили уши, трактирщик? Одно, два, три или даже четыре?

– Нет, ваша милость, – пролепетал Тревор.

– Я так и думал. Как только я тебя увидел, сразу подумал – этому хитровану ни разу не отрубили уши, оттого он такой веселый.

– Я не такой уж веселый, ваша милость.

– А кто сейчас веселый, трактирщик? Сейчас время такое – суровое. Вот и я – не веселый. Как кого-нибудь увижу, обязательно зарублю. Веришь?

Ландфайтер уставил на Тревора черный бездонный взгляд.

– Ваша милость, пощадите... – пролепетал тот, чувствуя, что теряет сознание.

– Вот и ты о том же. Никто не может сказать мне ничего нового, трактирщик, все молят о пощаде. Ты огорчаешь меня, а значит, тебя не ждет ничего хорошего.

Ландфайтер поднялся, прошелся вдоль столов и вдруг мощным ударом развалил один из пустовавших.

Трактирщик зажмурился, но Ландфайтер вернулся на место и сел.

– Он спас тебя, ты понял?

– Не... Не очень.

– Этот стол. Я хотел непременно врезать кому-то топором, но тут был стол. И был ты. Мне пришлось выбирать, и я выбрал его, хотя это всего лишь стол. Ты знаешь, почему я выбрал сухой холодный стол вместо тебя, такого теплого, наполненного потрохами, костями и всяким прочим добром, трактирщик?

– Не... Не могу знать... ва... ваша милость.

– Все просто – мне нужно знать, куда подевались мои люди. Я это еще не выяснил, а это очень важно. Итак – Лютый и Бражник. Не бойцы, а барахло. Их было семеро, пришедших одной командой дураков из какой-то деревни в тридцати пяти милях на юго-запад. Кажется, Пруды. Ты должен знать.

– Я... слы... шал...

– Ты слышал, значит, уже не глухой. И, значит, из четырех ушей тебе одну пару можно оставить, я прав, Банжарель?

Один из спутников в длинной рубахе и кожаном плаще молча поднял над головой грязный тесак.

– Мой помощник. Рубит быстрее, чем думает, и меня это устраивает. Мои ребята все такие. А Лютый и Бражник – полное барахло. Так куда они подевались, Тревор?

– За... За прозвища не ручаюсь, ваша милость, но двое заходили, это точно. Вели себя... Вольно вели себя.

– Это похоже на них, – кивнул Ландфайтер.

– Говорили, что теперь они тут главные. Надавали пинков, ели-пили и ушли. Обещали вернуться, когда появятся деньги.

– У них?

– У меня, ваша милость. Они хотели денег, а я пока на мели, ходят по дороге теперь мало.

– Значит, от тебя ушли живыми?

– Так точно, ваша милость. Живыми, сытыми и пьяными.

– Так-так.

Разбойник положил перед собой секиру и поскреб что-то на ее отшлифованном, как зеркало, лезвии.

– Даже если бы ты решил их убить, я бы тебя понял, трактирщик...

– Нет-нет, ваша милость, я даже не подумал! – замотал головой Тревор, прижимая руки к груди.

– Не перебивай меня, я этого не люблю, как ты, наверное, уже понял.

Тревор кивнул.

– Если бы ты уделал их чугунной сковородой, я бы тебя понял. Они ведь не заплатили, надавали тебе пинков. А пинки – это обидно, правда, трактирщик?

– При моей работе такое часто бывает, ваша милость.

– Так вот, как я уже говорил, их пришло семеро – все были полное барахло. Пришлось рубить их надвое, но не сразу, а по результатам, так сказать, выполнения заданий. Вон, Банжарель рубил, Кауди, Жирный Пес, Базна, – перечислял Ландфайтер, и названные мясники потрясали поднятыми над головами орудиями. И все молча.

– Кстати, ты заметил, что все они молчат? – улыбнулся Ландфайтер, словно перехватывая мысли трактирщика.

– Я... Даже... Я заметил, ваша милость...

– А знаешь почему?

– Не... Нет... – покачал головой трактирщик, уже совершенно сбитый с толку и почти замороженный изнутри от ужаса, который исходил от этого страшного человека.

– Потому что я им всем отрезал языки, понимаешь?

Трактирщик заторможенно кивнул.

– Я подумал, что в банде должен говорить только главарь, а главарь – это я. Остальные могут только слушать. Как тебе такая идея?

Тревор не ответил. Он стоял неподвижно, боясь проявить неуважение любым жестом или словом.

Вдруг раздался стук в ворота.

Трактирщик ожил, его глаза задвигались, и он указал рукой, как бы спрашивая разрешения пойти и открыть. Но Ландфайтер рассудил иначе.

– Банжарель! – сказал он, и названный разбойник, поднявшись, пошел открывать ворота.

Подул ветер, и створки затрясло. На всякий случай Банжарель перехватил тесак поудобнее и одной рукой приоткрыл створку ворот.

Перед ним стояли заплутавшие в ночи путники, и тусклый свет с зажженных трактирщиком светильников обрисовывал их неясные силуэты.

– Чего вам? – прохрипел Банжарель, не в силах рассмотреть лица этих бедолаг. Ветер трепал их лохмотья, а один из бродяг даже был без сапога.

– Чего вам? – снова спросил разбойник, крепче сжимая тесак, но незнакомцы не отвечали. А потом, будто откуда-то издали, кто-то простонал:

– Помощь... Нам нужна помощь...

– Помогите нам, – сказал тот, что стоял прямо перед воротами, и налетевший порыв ветра разметал его длинные волосы.

Створка ворот захлопнулась, ограда загудела, и по ней застучали мелкие камешки, поднятые с дороги ветром.

Банжарель закрыл лицо, а когда ветер успокоился, снова толкнул створку, однако никаких путников там уже не было, как будто их унесло ветром.

Ландфайтер и остальные молча ждали, когда вернется Банжарель. Трактирщик все так же стоял на месте.

– Мой предводитель... – прохрипел Банжарель.

– Да, трактирщик, я обманул тебя – они могут говорить. Но лишь когда я велю им это делать, – заметил Ландфайтер и повернулся к Банжарелю.

– Кто там?

– Хозяин, похоже, это за тобой...

– Что?

– Они пришли за тобой, как и обещали...

Ландфайтер быстро встал и подошел к Банжарелю.

– Кто пришел – говори внятно.

– Ну, эти... – Банжарель неопределенно мотнул головой. – Оттуда.

Видимо, Ландфайтер понял, о чем сказал его подручный. Он постоял, словно задумавшись, потом вернулся к столу.

– Я уже знаю, что этих двоих нет в живых, трактирщик. Я знаю, что их закопали, но не могу определить – кто это сделал, понимаешь? Поэтому ты сейчас признаешься, что убил их, и я разрублю тебя надвое. Или ты скажешь мне, кто это сделал, тогда будешь жить. Итак, я считаю до пяти, хотя если честно – рублю уже на счет два, это такая уловка, понимаешь?

Загипнотизированный взглядом Ландфайтера, трактирщик медленно кивнул.

Перед ним была неразрешимая задача – рассказать все как было, и тогда эти монстры убьют постояльца, оставив его в живых. Но постоялец непростой человек, и за него тоже придется держать ответ, к тому же сейчас, Тревор видел это краем глаза, постоялец стоял у окна и слышал все, о чем тут говорили. Он мог прямо сейчас ударить из арбалета – трактирщик видел в его мешке похожее оружие.

– Итак, трактирщик, я начинаю считать... – произнес Ландфайтер и замахнулся топором.

– Были тут четверо, ваша милость! Должно, они и побили ваших людей! – заверещал Тревор и, рухнув на колени, зарыдал, покачиваясь. Он был уверен, что его все равно зарубят.

– Я ненавижу слезы, трактирщик. Не перестанешь выть, стану считать снова.

– Прошу прощения, ваша милость.

Трактирщик быстро поднялся и вытер глаза рукавом.

– Кто они, куда пошли?

– Четверо, ваша милость. Один был орк, с ним здоровенный солдатский меч, а еще гном – тоже не подарок. Молчаливый такой, и плечи, как у кузнеца. Еще был мальчишка, молодой совсем, но тоже, знаете ли, не простой какой-то. И верховодит у них седой, с виду тихий, но сила в нем какая-то скрытная.

– Колдун?

Трактирщик подумал и отрицательно замотал головой.

– Не сказал бы, ваша милость. Но все четверо – банда готовая. И ребята ваши им дорогу перешли, что-то требовали, а они что-то грубое сказали. Вот и все.

– Куда пошли?

– В сторону границы, ваша милость, – трактирщик махнул рукой. – Туда пошли.

Ландфайтер помолчал, словно взвешивая слова Тревора. Затем повернулся и пошел с террасы к воротам. Его люди поднялись и пошли следом.

Открыв ворота, Ландфайтер пропустил отряд на улицу и, обернувшись, сказал:

– А твой трактир я, пожалуй, сожгу. Но не сегодня. В другой раз.

И вышел вон. В лампах колыхнулось пламя, и с дороги донеслись шаги удалявшегося отряда.

24

Полдня пришлось шагать в гору, поэтому при первой возможности Мартин со своими спутниками свернули в небольшое селение, где можно было перекусить в нормальных условиях, а не на обочине среди пыльных кустов.

– Должно, сегодня за раз дорогу не одолеем, – предположил Мартин. – Ты что скажешь, Ламтак?

– Я по этим дорогам совсем не ходил, не было случая.

– А я не против, чтобы где-то заночевать, – сказал Рони. – Да и мулы притомились, я их уже за повод тащу, а они как не живые.

– Это от климата, – заявил Бурраш. – Сухая здесь погода, надо было мимо озера идти.

– Какого озера? – спросил Мартин.

– Брененвальдского. Там, говорят, и дороги получше, и не так жарко.

– Мимо озера идти – это крюк в пятнадцать миль делать, – заметил Ламтак.

– Пятнадцать миль пешком – это много, – сказал Мартин. – Ладно уж, давайте дотерпим. Найдем постоялый двор, отобедаем, передохнем немного и двинем дальше. К сумеркам встанем на постой, а до ночи брести не будем.

– Приятно послушать умного предводителя! – произнес Бурраш, и все засмеялись.

– Кабы все такие начальники были, – поддержал его молчаливый гном, но, похоже, он говорил о чем-то своем. Как-никак они приближались к местам его юности.

Когда команда уже входила на край села, навстречу, погоняя двух коз, вышел старик.

– Что за село, дед? – спросил Рони.

– Королевские называют – Рамное, ингландцы – Авенде.

– Ну а вы-то как называете?

– Мы?

Старик остановился и почесал под шапкой голову.

– А никак не называем, село и село.

Пришлось ограничиться таким ответом.

– Мутит чего-то папаша, – высказался орк. Потом глянул через забор и добавил: – А девки-то здесь красивые.

– Где? – сразу отозвался Рони, вытягивая голову.

Бурраш засмеялся, и все поняли, что он подшутил над Рони, и тоже стали смеяться.

– А чего вы? Это вам – только бы пожрать, а у меня и другие интересы имеются.

– Твой интерес сейчас хвосты мулам крутить, а по девкам будешь бегать, когда домой приедем.

– А почему нельзя в дороге познакомиться? Я еще в Засупне парочку таких заметил, что просто ах!..

И Рони мечтательно прикрыл глаза.

– Сейчас никак нельзя, потому, что мы в походе, – объяснил Ламтак. – А военный поход – это тебе не шутки. Тут всякое случается. Пропасть через баб – очень даже легко. Да что я вам говорю, в прошлый раз за морем такого страха из-за ведьмы этой натерпелись!

Все замолчали, вспоминая жуткие подробности тех событий. Теперь вроде немного подзабылось, к тому же там они были вроде как немного пьяные – из-за воздуха местного или солнца.

– В этот раз мы не за морем, а на своей земле, – произнес Мартин, чтобы отогнать жутковатую атмосферу. И, увидев стоявшего у ворот мужика, подошел к нему и спросил: – Скажи, добрый человек, есть у вас тут трактир или едальня какая?

– А вам на что?

– Проголодались мы.

– Проголодались?

Мужик подозрительно покосился на разношерстную компанию.

– Ну давай, дядя, сообщи уже! – потерял терпение Рони.

– Дальше по улице дом будет большой. Там и едальня найдется.

– Всего хорошего, – сказал Мартин, приподняв шляпу, и пошел дальше.

– Значит, ищем большой дом, – сказал орк, поглядывая по сторонам и благодаря своему росту то и дело заглядывая через заборы.

– Ой, ужас какой! – заорала какая-то баба, увидев его.

– Чего там? – спросил Мартин.

– Край непуганых птиц, – вздохнул орк.

– А ты не заглядывай, вот и не будут пугаться, – высказался гном. – Это мы к твоей роже привычные, а другим необычно.

25

Вопреки ожиданиям Мартина, скромная едальня оказалась вполне себе полноценным трактиром с залой для обедов и несколькими комнатами для жильцов – на первом и втором этажах. Всем заправляла хозяйка лет тридцати пяти, на вид строгая, но сложенная так, что поглядеть на нее со всех сторон было приятно.

– А и хороша хозяйка, – не удержался от замечания Рони, когда они ждали похлебки со свиными шкварками.

– Цыц, маленок. Она для тебя уважаемая дама, – одернул его Бурраш.

– А я что? Я разве плохое что сказал? – смутился Рони.

– Вот и помолчи. Наше дело маленькое – похлебали да пошли.

– А Мартин на нее вон как глазел.

– Мартину можно. Он ей вполне по возрасту.

Между тем Мартин действительно провожал хозяйку более чем внимательным взглядом. Такие женщины ему нравились – основательные, но не распухшие, как подушки. А еще глаза – серые и... умные. Да, у хозяйки заведения были умные глаза.

– Давай, Мартин, у тебя получится, – сказал гном, которому пришлось подкладывать под себя мешок с пожитками, чтобы нормально сидеть за столом.

– С чего ты решил? – спросил Мартин.

– У тебя с хозяйками кабаков всегда складывалось.

– Ну... – Мартин вздохнул. С одной стороны, конечно, бывало, что складывалось, видимо, он нравился женщинам одиноким и независимым, однако потом, случалось, они его пытались убить.

Прошло немного времени, и снова появилась хозяйка в сопровождении более молодой, но проигрывающей ей стряпухе.

Стряпуха держала большущий дубовый поднос, а хозяйка самолично снимала глиняные плошки и расставляла перед гостями, улыбаясь им и в особенности Мартину, склоняясь перед ним так, чтобы тот лучше рассмотрел в вырезе кофты все ее прелести.

И Мартин рассмотрел. И оценил, конечно. Он улыбнулся в ответ и проводил хозяйку взглядом, пока она не скрылась в кухонной двери.

В залу с улицы зашел мужик.

Гости переглянулись – выглядел он подозрительно. Пояс солдатский потертый – стало быть, носил оружие, а морда битая и нос красноватый, привыкший к выпивке. Вполне мог оказаться разбойником.

Однако тут появилась стряпуха и вынесла винный кувшин, от которого разило дрожжами.

Мужик взял кувшин и, разжав кулак, ссыпал на соседний стол несколько медяшек. Потом повернулся и пошел к выходу.

– Эй, а пустой-то куда дел? – крикнула вслед стряпуха.

– К черному крыльцу поставил, как и велели.

Мужик ушел, стряпуха тоже. Гости стали спокойно есть.

– Однако хорошо здесь готовят, – заметил Рони.

– Мясо свежее, – согласился Бурраш, вылавливая из тарелки крупный кусок.

– Посмотрим, сколько насчитают, – обронил гном.

Мартин ел молча, поглядывая на кухонную дверь. Вдруг она отворилась, и в проеме показалась хозяйка.

– Гости благородные, не поможете одинокой женщине сундук передвинуть? Один из вас бы справился.

Рони, Бурраш и Ламтак посмотрели на Мартина. Тот поднялся, вытер льняной салфеткой губы, потом руки и не спеша направился к трактирщице.

– Ну? – спросил он, останавливаясь напротив нее. – Где твой сундук?

Хозяйка сделала паузу, сдерживая игривую улыбку, а затем сказала:

– Пойдем, покажу.

И тут же крикнула:

– Руша, подавай рулет! Гости первое подчистили!..

– Несу уже! – отозвалась стряпуха, и трактирщица с Мартином посторонились, пропуская стряпуху, нагруженную тарелками. Затем хозяйка прошла вглубь кухни, и Мартин последовал за ней.

Сундук, как и следовало ожидать, находился где-то за пределами кухни. Мартину пришлось подниматься за хозяйкой на второй этаж, где оказалось что-то вроде кладовки со стопками полотенец, фартуков, запасами тарелок и новеньких медных сковородок.

Чуть в стороне у окна стоял стол, имелись пузырек с чернилами и бумага для письма.

– А где же сундук? – спросил Мартин, оглядевшись.

– Вот он, – ответила трактирщица и села на широкую кушетку, похлопав рукой рядом с собой. – Садись.

Мартин сел. Его пока все устраивало.

Между тем в зале продолжалась трапеза. Бурраш запросил добавки, а Рони сразу перешел к сладкой каше и печеным яблокам.

Ламтак размышлял о том, во что им выльется этот обед, подозревая, что цену попытаются задрать, ведь хозяйка под это дело сейчас и размягчала Мартина – чтобы серебра насыпал.

«Надо будет намекнуть, чтобы не шибко мотовал», – подумал гном, переходя к каше.

– Так, я сейчас в сортир, а потом продолжу, – сказал Бурраш, поднимаясь из-за стола. – Эй, женщина, где отхожее место?

Стряпуха вышла в зал, указала через маленькое окошко верное направление.

– Ага, понял, – кивнул орк и вышел во двор.

Добравшись до места, он быстро сделал все дела, но, подойдя потом к рукомойнику, заметил, как с заднего крыльца выскочила хозяйка трактира.

Судя по легкой рубашке на ней, дела у Мартина шли неплохо. Но вот хозяйка поманила кого-то рукой, и через забор перемахнул парнишка лет пятнадцати. Он подбежал к крыльцу и, забрав у трактирщицы нечто, похожее на свернутый листок бумаги, снова прыгнул через забор и понесся по улице прочь.

Что это могло означать? Да что угодно. Счастливая женщина могла послать письмо сестре, чтобы та за нее порадовалась. Могла отправить мальчишку в лавку – купить что-то срочное, а могла дать знак грабителям, чтобы приехали сюда и ограбили путников. Только чего у них четверых брать? Бурраш прекрасно понимал, что они совсем не показались бы разбойникам желанными жертвами.

Однако не так уже важна была причина – задерживаться здесь не стоило.

Бурраш сполоснул руки и, забежав в зал, подошел к столу.

– Баба Мартина послал куда-то пацана с запиской.

– У них уже все сложилось? – заулыбался Рони.

Гном посмотрел на него сердито и соскочил с мешка на пол.

– Нужно уходить, – сказал он. – Иди, тащи своего начальника, пока нам тут не накостыляли.

– Думаете, она... кого-то вызывает? – спросил Рони, отодвигая тарелку.

– Я сам пойду, – сказал Бурраш и решительно прошел на кухню.

– Где хозяйка? – спросил он стряпуху.

– Ой! – сказала та и покосилась на лестницу.

Бурраш быстро по ней поднялся и толкнул дверцу в тайный закуток.

– Мартин, нам нужно уходить, – сказал он, не глядя на кушетку.

– Что случилось? – сразу спросил тот, а его подружка накинула на себя покрывало и поднялась.

– Куда ты его тащишь? Мы уже сговорились, что вы до завтра заночуете! Или тебя кормят невкусно, солдатик?

– Мартин, нужно срочно уходить, – повторил Бурраш.

– Да понял я, понял, – ответил тот, торопливо одеваясь. Мартин знал, что просто так Бурраш сюда бы не ворвался.

– Ну куда же ты, милый? Да что я не так сделала, что ты меня покинуть хочешь? – начал она причитать, выхватывая у Мартина его вещи и заливаясь слезами.

– Да пусти ты меня! – оттолкнул он ее, почувствовав неладное. Тогда женщина схватила стоявший в углу черенок от лопаты и бросилась на Мартина. Буррашу пришлось принять удар на себя и ответным ударом отправить трактирщицу на пол.

– Ты ее не зашиб? – спросил Мартин, натягивая штаны.

– Не зашиб, не бойся. Она какую-то записку передала мальчишке, который через забор сиганул и убежал.

– Когда?

– Наверное, в перерыве между вашими лобзаниями.

– Она сказала воды попить... Сказала, что я очень жаркий...

Наконец, Мартин оделся, и они вдвоем спустились в зал, а оттуда во двор, где Рони с Ламтаком уже держали наготове навьюченных мулов.

– Давай, догоняйте! – крикнул Рони, и они с Ламтаком поспешили к воротам.

На улице было пусто, где-то лаяла собака, хрюкали свиньи. А на другом конце деревни кто-то чинил железо, стуча молотком.

– На дорогу нельзя, – сказал Ламтак.

– Ясное дело, – согласился Мартин. – Давайте через поле, там вдали лесок.

– Эх, были бы мы верхами! – сказал Рони.

– Мы бы тогда ничего не заработали, – возразил Ламтак. – Ты знаешь, сколько лошади нынче стоят? И потом – мне-то как на нее влезать?

– Мы бы с тобой одного на двоих взяли – батерлея. Они здоровенные, в кавалерии служат, – сказал Рони.

– Нет уж, повидал я этой кавалерии на здоровенных лошадях, как вспомню, страшно делается, – покачал головой Ламтак и оглянулся. Но их пока никто не преследовал.

– Ты про нейманских лучников? – спросил Бурраш.

– Про них самых. Они тоже по двое сидели, да еще с луков шаршили, причем оба!

– Как это оба, а кто же правил? – удивился Мартин.

– А кто их разберет? Похоже, их кони сами себе правили. Здоровенные были, одно копыто, как башка нашего мула.

Из ворот навстречу вышел мужик, но, заметив чужаков, тотчас убрался.

Когда они прошли, Бурраш оглянулся – мужик выглядывал из-за забора.

– Не деревня, а вражеская крепость какая-то, – сказал орк.

– Одно меня в этом деле радует, – сказал Ламтак.

– И что же?

– Что мы при таком раскладе не остались им ничего должны.

Орк с Рони засмеялись, а Мартин покачал головой. Ему оказалось нелегко принять эту женщину врагом, она была с ним так ласкова.

26

Наконец, они вышли на окраину и, оглядевшись, заторопились через стоявшее под парами поле. А уже через четверть часа к покинутому гостями трактиру подъехали человек двадцать верховых – все в гражданской одежде, но при оружии и в легких доспехах.

– Ушли они, господин лейтенант! – пожаловалась трактирщица. – Видать, почуяли чего-то.

Старший спешился и, подойдя ближе, спросил:

– Почему лицо разбито? Ты с ними дралась, что ли, Анна?

– Задержать хотела... – виновато улыбнулась трактирщица. – Я еще утром бумагу от вас получила с их описанием, а потом гляжу – они к нам и явились. Очень упускать не хотелось.

– Ладно, мы перехватим их в другом месте.

– В Леонвеле можно, господин лейтенант, – предложил один из верховых.

– Пожалуй, что так.

– Они через поле ушли, в сторону леса, – сказала Анна.

– Далеко не уйдут. Дальше река, им все равно придется на дорогу выбираться.

Лейтенант взобрался на лошадь и, развернувшись, поехал к дороге, и за ним двинулся весь отряд.

– В Леонвеле они могут появиться уже к вечеру, – сказал сержант, поравнявшись с командиром отряда.

– В том-то и дело, что к вечеру. Но если заночуют в лесу, а потом обойдут Леонвель, могут потом показаться в Кравече, Венбеле или зайти на хутор Большой Лог.

– Думаете, по большой дороге не пойдут?

– Не пойдут. А ты бы пошел, зная, что тебя ищут?

– Не пошел бы, – кивнул сержант.

– Вот и надо думать, как перегородить все объезды. Нас двадцать два человека – куда и сколько ставить будем?

– Надо бы так скумекать, ваше благородие, чтобы быстро подмогу вызвать, если что. Если они дюжину шерифов положили, могут оказаться колючими.

– Ну, у нас то не шерифы, – заметил ему лейтенант.

– Так точно, мы бы вчетвером этих шерифов тоже положили, у них только мундиры красивые.

– Мундиры красивые – это да. Значит, будем расставлять людей так, чтобы только приглядывать и не начинать схватки до времени, пока не соберем всю команду.

Отряд выехал на большую дорогу, прибавил рыси и пошел на Леонвель.

В это же время Мартин с группой продвигались по лесу, то выходя на протоптанные кабанами тропы, то вновь углубляясь в чащу, чтобы не оказаться на открытом месте.

Мулам это категорически не нравилось, они подрагивали шкурой, когда их жалили комары, и трясли головами, когда на морды оседала старая паутина.

– Ну и что, долго мы так ломиться будем? – спросил Рони.

– Недолго, – ответил ему Ламтак. – Скоро река, и нам все равно придется к дороге выбираться.

– Этого от нас и ждут, – сказал Мартин.

– Это точно, – согласился Бурраш. – Не важно, кто они, но если взялись нас ловить, станут ждать на дороге.

– Тогда нужно запутать их, заночуем где придется, а пойдем только с утра, когда они и ждать не станут.

– А может, королевским властям на них пожаловаться? – предложил Рони.

– Тут с властями хуже, чем в городе, – ответил Бурраш. – Шерифы нас в трактире чуть не арестовали и даже не сказали, чего привязывались.

– А мне их мундиры понравились, – признался Рони. – Мне бы такой мундир да на коня, все бы девки мои были.

– Мартин вон и без мундира справляется.

– Мартин, может, и справляется, а мне бы такой мундир очень пошел.

Через три часа стало темнеть. Не дожидаясь, когда река вытеснит их к дороге, Мартин с отрядом перешли проезжий путь раньше, выбрав момент, когда вокруг никого не было, и теперь у них была возможность маневра.

Место для ночевки выбрали на опушке, на небольшой возвышенности. Мартину это место показалось наиболее безопасным, и Бурраш его поддержал, потому что повсюду была низина и заросшие овраги, по которым от реки могли прийти морлинги.

– Хватит уже про морлингов, – жалобно произнес Рони.

– А чего ты? Мы же их столько повидали за морями-то! – удивился Бурраш.

– За морями – одно, а здесь совсем другое. Я там как пьяный был, я даже половины не помню, что было.

– Это и к лучшему, – сказал Мартин. – Давайте укладываться. Кто первым в карауле стоять будет?

– Давай я буду, – предложил Бурраш. – Я утром страсть как поспать люблю.

– Хорошо, вторым будешь ты, Ламтак.

– Договорились, – сказал гном, устраивая мешок под голову и кладя рядом меч.

– А я тогда на зорьке караулить буду, люблю слушать, как птицы просыпаются.

– А я когда дежурить буду? – спросил Рони.

– Ты сегодня не будешь, ты у нас арбалетчик, и нам твой верный глаз нужен. Так что спи и набирайся сил.

27

Днем в трактир к Тревору заезжали трое торговцев. Говорили о своем, дескать, холст будет дорожать, а шерсть, напротив, подешевеет. А еще – что нитки теперь гнилые продают и надо смотреть в оба. Потом что-то про иголки и подметочный материал, Тревор особо не прислушивался – последнее время он ходил как пришибленный.

Даже стряпуха его, работница из деревни, заметила, что он какой-то не такой.

Торговцы много ели, пили мало. Часа два посидели, заплатили без спора и уехали.

Под вечер были двое мужиков – уже навеселе. Взяли мяса, хлеба и соленых огурцов, выпивка, видать, своя была припрятана.

По доходам день получился удачный, так бы каждый раз.

«А хорошо бы бросить все да сбежать куда подальше», – подумал трактирщик. Кое-какие сбережения у него имелись, мог бы в какой-нибудь деревеньке прижиться. Глядишь, и женился бы, детишек завел, а тут на дороге – страшно.

Вздыхнув, он перенес привезенную мельником муку, задул свечу и вышел из кладовой.

На улице быстро темнело, работник и стряпуха ушли, и он остался один.

Вдруг на дороге послышались шаги, потом в ворота постучали. Но не страшно, а так, по-свойски.

Тревор вздохнул и пошел открывать, полагая, что это кто-то из деревенских. И не ошибся, это был Барабан.

– Привет, – сказал он, заходя во двор.

– Привет, – ответил Тревор. – Ты чего на ночь глядя?

– Ты один?

– Один. Работники домой ушли.

– А постоялец твой?

– Съехал вчера.

– Хорошо, тогда тут к тебе гости пожаловали – принимай.

С этими словами Барабан открыл створку ворот шире, впуская четверых незваных гостей. Трое было плечистыми, по виду бандитами, а один пониже и вроде показался трактирщику знакомым – уже было темно, и Тревор скорее догадался.

– Господин Нордквист, вы ли это?

– Я, Тревор, я. Ну, давай, что ли, обнимемся.

И он, усмехаясь, прижал к себе трактирщика, которого в былое время не раз бил до крови, вышибая разбойничий налог.

– Господин Нордквист, как я рад вас видеть, – искренне произнес трактирщик и заплакал.

– Да ладно, пойдем, расскажешь мне, что да как. Столько лет не виделись!

Охранники остались во дворе, Нордквист с трактирщиком сели на террасе, и Барабан расположился недалеко от них, чтобы присматривать, но не мешать беседе.

– У тебя тут вроде все как прежде, – сказал Нордквист, оглядевшись.

– Так, да не так, господин Нордквист. Такие страсти последнее время, такие страсти... Да что же я сию-то! Я сейчас огня принесу да еды какой-нибудь!..

– Сиди, – удержал его гость. – Не надо огня, я не по такому поводу.

– А... по какому? – спросил трактирщик, опускаясь на стул.

– Поговорить с тобой, поспрашивать. Я ж давно здесь не был.

– Ну да. Так вы спрашивайте, господин Нордквист, я вам все расскажу, ничего утаивать не буду.

– Ладно, – кивнул гость. – Кто у тебя тут так долго жил?

– Не знаю, человек серьезный, но до него такой же, был, и они как будто поменялись.

- Что значит серьезный?
- Ну, не из ваших, конечно, а скорее из королевских.
- Вынюхивал чего-то?
- Я думаю... Я думаю, ждал кого-то. И тот, второй, тоже кого-то поджидал.
- Ну а гости у тебя какие бывают?

Тревор, как будто не расслышал вопроса и все смотрел на Нордквиста, а потом закрыл лицо руками и снова заплакал.

– Ты говорил, что дела страшные. Ну так пожалуйста, что за страшные дела-то, Тревор? Мы же свои люди, может, помогу чем.

- Боюсь, господин Нордквист, тут уже ничего не сделать – я уж думал, чтобы бежать... И трактирщик махнул рукой.

Гость его не торопил, ожидая, когда тот успокоится.

- Ко мне второго дня такие гости наведывались, что...

Трактирщик снова замолчал, и какое-то время его тело содрогалось от беззвучных рыданий. Наконец, он собрался, высморкался в рукав и продолжил рассказывать:

– При всем уважении, господин Нордквист, но ваши разбойники – это просто милые детишки по сравнению с теми чудовищами.

- Сколько их было?
- Я даже не разобрал, наверное, дюжина.
- Как выглядели, оружие было?
- Выглядели... – Трактирщик потряс перед собой растопыренной пятерней, чтобы подобрать подходящее сравнение. – Как будто они не отсюда, понимаете, господин Нордквист?

Все молчуны, никто ничего не говорит, черные рубахи на них или сюртуки какие, а поверх мясницкие фартуки, и все в крови, господин Нордквист! Да в такой, что не раз и не два заливали! А еще в руках топоры да тесаки! И тоже не чищенные, только у самого главного секира чистая и блестит!..

Тревор покачал головой, не в силах говорить, воспоминания недавнего события переполняли его.

- Ну а какой он из себя? – спросил Нордквист, помогая трактирщику прийти в себя.
- Какой? Страшный. Роста высокого, глаза... не поймешь какие, но когда смотрит – словно колодец бездонный. Да, волосы светлые, длинные, по плечам.
- На чем приезжали?
- Ни на чем. Ничего такого не слышал, а только сразу постучались и вошли.
- Что за люди у него? Как одеты, ты сказал, но как вели себя?
- Молчали. И будто не в себе, потому что не только молчали, но даже и не шевелились вовсе. Жуть.

– М-да, – вздохнул Нордквист. До этого момента ему казалось, что, подсобрав людей, он сможет вернуться на дорогу, вытеснив новичка, но, похоже, он о нем еще много не знал, и начинать войну было рано. – А чего хотели-то? Денег, жратвы, выпивки?

– Не поверите, господин Нордквист, – ничего не брали. Я им весь погреб вынес, а они даже не притронулись, на бражку и перегонку – ноль внимания. Я же говорю – как не в себе были.

- А говорил он тебе о чем?
- О чем говорил? А, вот! У него двое людей потерялось, и он спрашивал, не видал ли я чего. Я сказал, заходили – они и правда заходили, пожрали-попили, дали мне под ребра и убрались. А потом пропали совсем.
- И что дальше?
- Он выпрашивал, не было ли у них с кем скандала, я сказал, что видел только, что погавкались с другими моими постояльцами. Но до чего у них там дошло – я не знаю.

Несмотря на доверительный разговор, Тревор не собирался рассказывать про то, как помогал серьезному постояльцу оттаскивать тела залетных бандитов.

– А что за постояльцы, с которым погавкались те двое?

– Орк здоровенный, гном такой тоже – широченный, и еще парнишка молодой и мужик с ними такой сухощавый. Я так думаю, он за старшего был.

– Думаешь, они этих двоих положили?

– Не знаю, господин Нордквист. Я теперь только об одном думаю – бежать отсюда немедленно, потому как гость этот страшный, когда уходил, сказал – сожгу твой трактир, но не сегодня, а в другой раз. Представляете? Я не хочу тут сидеть и ждать этого другого раза.

28

Когда вышли от трактирщика, совсем стемнело. В деревне лениво перелаивались собаки, пахло пылью и конским навозом.

Нордквист и Барабан шли впереди, трое дюжих охранников чуть отставали.

– Что об этом думаешь? – спросил Нордквист.

– О чем, командир?

– Для начала об этом беспредельщике.

– Боятся его люди. И даже шерифы боятся. Городские стражники в городках покрупнее еще чего-то из себя ломают, а в местах помельче хвосты поджимают, едва где-то шум начинается.

– И что, власти совсем беззубые стали? Помнится, меня даже драгунами гоняли – не считали за лишнюю работу, а на этих что – драгунов не находится?

– Об этом пока ничего не слышал. Но, думаю, и до драгунов дойдет, однако к тому времени он тут делов натворит. А вы почему про Гонзалеса не спросили, командир?

– Сначала хотел, но ты же видел, он обмочился еще до этой темы. Ему теперь этот Ландфайтер покоя не дает.

– Ну а вы об Гонзалесе чего думаете?

– А чего там думать? Пропал и пропал. Давно это было, а видения всякие – они тоже случаются. Тем паче на такой беспокойной дороге, какой она когда-то была.

Нордквист помнил те времена, когда половины домов тут еще не было, а дорога эта была единственной и самой хлебной. И, помимо грабежей проезжих, в особенности рыбных обозов и торговцев шерстью, которые редко проходили без схваток с охраной, на дороге кипели междоусобные войны многочисленных банд – всем хотелось получить дорогу в собственное владение.

Это были кровавые войны, из которых в конце концов вышли только банды Нордквиста и Гонзалеса. Какое-то время они были равны по силе, но потом Нордквист стал одолевать и наконец заставил Гонзалеса бегать от него зайцем.

Скоро от Гонзалеса стали бежать люди и переходить к Нордквисту, принося важные сведения о всех тайных базах противника. И тогда дела Гонзалеса пошли еще хуже, а вскоре случилось то самое событие – Гонзалес с остатками банды пропал, почти что на глазах у Нордквиста и его людей.

То, как случилась эта победа, его совсем не радовало, потому что он испытал такой страх, какого не испытывал раньше.

Нордквист видел много крови, он был жесток и безжалостен, как полагалось быть вожаку стаи кровавых убийц, однако вид кипящей каши в котле, оставленной трубки, которая еще дымилась, и над всем этим – тишина...

Потом он пил две недели. Считалось, что праздновал, но на самом деле пытался заглушить навалившуюся тоску и приходящий ночами страх – а вдруг и с ним такое случится?

Когда понял, что так от тоски не излечиться, собрал банду и снова вернулся на дорогу, но больше не для грабежа, а для кровавого кутежа. Теперь резали даже тех, кто не сопротивлялся, трясли каждого встречного мужичонку, забирая последний медяк, иногда потом выбрасывая его на обочину.

Но и этого казалось мало, и Нордквист сжег одну из деревень – тогда ему эта идея показалась очень хорошей. И это стало последней каплей. От него отвернулись все подкупленные бургомистры, все сержанты городской стражи. Наместник края запросил помощи в столице, королевский прокурор дал добро, и сама тайная канцелярия начала охоту за зарвавшимся разбойником.

Тогда он узнал, что такое драгуны и чем они отличались от франтоватых шерифов.

После первого боя его банда была рассеяна, и на новом месте собралась едва половина, да и те частью были подранены. Нордквист намеревался отсидеться в лесу возле Брененвальдского озера, но тайная канцелярия нашла его логово, и снова пришли драгуны.

На этот раз все было кончено, и для ареста набралось лишь полдюжины разбойников, которых впоследствии казнили.

А Нордквист ушел. Он, как зверь, почувствовал приближение опасности и, сказав, что будет отдыхать в шалаше, проскользнул прямо в лес и отшагал пару миль к тому времени, как появились драгуны.

Припрятанные на черный день монеты и камешки давали возможность безбедно жить, но прошли годы, и Нордквиста потянуло на старое – хотелось повелевать, казнить и миловать, брать наложниц и наводить на людей страх. И он стал понемногу приглядываться, прощупывать обстановку в Пронсвилле, куда перебрался из пригородов.

Про него к тому времени почти забыли, но он отыскал тех, кто еще помнил и был готов снова встать под знамена бывшего главаря.

Его новая, пока небольшая команда стала проворачивать небольшие дела – больше для обкатки. Того, что удавалось добыть, на содержание банды не хватало, и Нордквист платил из своих сбережений. Но вот подвернулся этот гном – Дунлап, который сам искал подобного знакомства, чтобы проверить большое дело.

На слух все выглядело заманчиво, разговор шел о десятках тысяч золотых монет. Нордквист поверил не сразу и взялся выяснять, собирать сведения о тех, на кого показывал гном. И когда все стало походить на правду, Нордквист решил взяться за это дело.

К тому времени у него уже было около двадцати старых проверенных бойцов и еще столько же призывников, готовых окунуться в романтическую жизнь дорожных разбойников. Однако пока он держал свою армию про запас – для нее еще не находилось применения.

Отмахав пешком с четверть мили, они добрались до места, где возле дороги в рощице их дожидались еще двое с лошадьми для всей команды.

– Ваша милость, обмотки с копыт снимать? – спросил один из конюхов.

– Погоди пока, еще с полмили отъездом, тогда снимем.

– Как скажете, ваша милость. Извольте сюда ногу – я подержу стремя.

Через минуту группа уже неслась по ночной дороге, почти не создавая шума, и лишь отъехав от деревни на достаточное расстояние, конюх снял с копыт лошадей обмотки, и они продолжили путь.

Им предстояло добраться до небольшого хутора у дороги, хозяин которого был из бывших и имел небольшое контрабандное дело.

Из-за этой особенности он располагал сетью наблюдателей, умевших собирать сведения, не привлекая внимания.

Этот бывший уже получил задание, и теперь Нордквист намеревался узнать, что ему удалось разнюхать.

К хутору прибыли через четыре часа.

Хозяин услышал гостей и вышел на дорогу, чтобы не беспокоить домашних. Потом зажег факел и проводил отряд в большой сарай, где хранились упряжь, телеги, борона и плуг. Но имела там и тайная дверь, за которой находились приличные покои с побеленными стенами, отдельным выходом к отхожему месту, колодцем и черным ходом через подземную галерею.

– Ну здравствуй, Перец, – сказал Нордквист, и они обнялись.

– Командир, я уж и не чаял свидеться!

Бывший разбойник был заметно растроган.

– Но ты, я вижу, все еще в деле! – произнес Нордквист, обводя взглядом тайное убежище. – С размахом строил.

– Для себя старался. Но вы присаживайтесь, братцы, здесь у меня и жратва имеется, и выпивка. Если жена шибко донимает, я говорю, что по делам уехал, а сам тут пью в одиночестве.

– Что ж ты пьешь без собутыльников? – спросил Нордквист, садясь на мягкую кушетку.

– Работа у меня такая – как завел собутыльников, так сразу и на цугундер. Сдадут собутыльники.

– Это верно. Что там с нашим делом?

– С делом порядок. Мой человечек за ними приглядывает. Но должен сказать, что вокруг них какой-то кипиш затевается.

– Что за кипиш?

– Что-то серьезное. Повсюду шныри легавых, выпрашивают – кто видел, куда пошли, что делали.

– И все про них?

– Про них самых, командир.

Нордквист покачал головой. Такое внимание к группе, которая, как он рассчитывал, должна была привести к золоту, ему не нравилось. Портилась вся картина действий, рушился весь план.

– Ну и кто за ними гоняется?

– По виду – легавые в гражданском платье.

– Это плохо. Это хуже, чем разбойники.

– Вот и я о том.

Нордквист вздохнул. А что, если все это из-за золота? Вдруг об этом пронюхали какие-нибудь там прокуроры или того хуже – здешний королевский наместник граф Линборро? Этот своего не упустит, иные разбойники такому графу и в подметки не годились.

– Что им шьют, знаешь?

– Знаю. Мокруху шьют, да такую, что мало не покажется. Говорят, будто они в Робертове тринадцать шерифов зарезали.

– Вот это новость! – не удержался от возгласа Барабан, но тут же прикрыл рот ладонью, а остальные сделали вид, что не заметили.

– Значит, так просто от них не отвяжутся, – сказал Нордквист, пытаясь придумать, как спасти дело.

– Только я думаю, что не они шерифов порешили, – продолжил Перец.

– Почему так думаешь?

– По времени не получается. Не могли они еще и в Робертово наведаться, потому как пешие. Поклажу на мулах волокут, а сами так пегают. Вот если бы верхом – тогда бы успели.

– И кто, по-твоему, мог шерифов прибрать?

Перец вздохнул и почесал в затылке.

– Ты понимаешь, командир, там, на той стороне, сейчас большая чимара начинается, а потому вдоль границы стало попадаться много их легавых – и простых, и в гражданском платье.

– Думаешь, могли наведаться?

– Они и раньше навевались, но редко и по-тихому. Мы, если чего замечали, просто отворачивались, и они это ценили, тоже отворачивались, если чего.

– А на что им шерифов резать и шум поднимать?

– Я так думаю, что они всю чимару в своих землях на нашего короля скидывают, что, конечно, очень даже может быть. Ну кто, если не сосед?

– Допустим.

– Вот они и решили в отместку, стало быть. Оно, конечно, пока только догадка, но если я прав, злодеи заграничные должны где-то еще проявиться. И очень заметно – либо деревню сожгут, либо на ярмарке резню устроят.

– Эвона как! – произнес Нордквист и засмеялся. – Да ты тут прямо политическим делался!..

– А куда деваться? – улыбнулся Перец. – Если политику не просекать, в моем деле на границе толку не будет.

29

Пока велся этот разговор, в десяти милях к границе, в чаще среди заброшенных построек золотодобытчиков, отдыхал и залечивал легкие раны инглиндский отряд сержанта Лансера.

Тех, у кого ранения оказались серьезнее, отвезли к границе, где передали своим. Тела семерых погибших также сумели переправить, и от этого сержант Лансер испытывал двойственное чувство – и сожаление о погибших, и удовлетворение тем, что его герои будут лежать в родной земле.

При их службе это была немалая привилегия.

Расположившись в полуразрушенной землянке, где было организовано что-то вроде штаба, сержант дремал рядом с тлеющим походным светильником. Он ждал разведчика, посланного для встречи со связным.

Почувствовав, что кто-то идет, Лансер взялся за кинжал. Полог поднялся, и появился капрал Колберг.

– Ты почему не спишь?

– А вы, сэр?

– Я сплю вполглаза.

– Ну и я примерно так же. Там наши от границы вернулись. Но телегу с собой тащить не стали.

– Это правильно.

– Привели еще пятерых из резерва.

– А это очень хорошо, теперь нас восемнадцать. Никаких пакетов не привезли?

– Нет, но они же со ставкой не сообщались, ждали в сарае на нашей стороне.

– Понятно.

– Я сменю посты на свежеприбывших.

– Не возражаю.

– А вы тоже поспите, сэр.

– Посплю. Вот дождусь разведчиков и обязательно посплю. А сейчас пока подремлю.

Капрал ушел, и сержант стал дремать, привалившись к стене, но минут через двадцать пришел один из часовых и сообщил, что на озере, которое тянулось на полторы мили вглубь карнейской территории, слышен плеск – приближалась лодка.

– Понял, – сказал сержант, поднимаясь. – Возвращайся на пост, а я пойду на берег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.